

№ 2 НОЯБРЬ 1989

Цена 1р. 50к.

ISSN 0235-6864

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИЗДАНИЮ МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ МАДПР «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА»

ПО КОМУ ЗВОНИТ

Они быстро умирают, эти все изведавшие и ничего не познавшие дети. Дети-наркоманы. И не только в Америке, не только в ФРГ. Они умирают повсюду в мире. Как в древней легенде люди приносили в жертву дракону своих детей, так и в современном обществе их приносят в жертву наркобизнесу. Не спрашивайте, по кому звонит колокол... Беспомощные священники, врачи, полицейские, мэры, спонсоры, сенаторы, президенты и прочие не в силах остановить преступление, совершаемое эгоистическим равнодушием родителей. Жертвы этого равнодушия — подростки, юноши и девушки, которые, поддавшись наркотическому угару, так никогда и не узнают, что же такое Любовь, Семья, Счастье.

О проблемах борьбы с наркомагией в нашей стране и за рубежом читайте на стр. 10—11.

КОЛОКОЛ

■ Техника телебезопасности — опасно ли быть ведущим самой популярной телепрограммы — стр. 12

■ Советский разведчик ЛЕОПОЛЬД ТРЕППЕР — отрывок из книги «Большая игра» — стр. 22

■ Луч смерти — история одного научного открытия — стр. 16

То, что наша экономика начиная с коллективизации строилась по законам коудлы, очевидно: любой хозяйственник не мог — да и сейчас не может еще — продуктивно работать, не нарушая нормативных актов, они пеленают его, как дитя, или, точнее, заковывают в кандалы, словно разбойника. В стране родился качественно новый синдром страха, неведомый ранее цивилизации: страх перед благим поступком во имя Отчизны. Лучше всего ничего не делать — сие не наказуемо. Была создана атмосфера, при которой нам было нельзя надеяться на появление собственных Фордов, Путиловых, Эдисонов, Сикорских, Морозовых, Батей... Либо нарушай закон и приноси благо стране, за что непременно заплатишься головой, либо «сиди и не высывайся», пусть все идет, как идет, лишь бы дотянуть до пенсии — желательно персональной.

То, что мы об этом заговорили, и не где-нибудь, а в Кремле, на Съезде народных депутатов, — фактор громадного значения. Однако тьма тьмущая запретительных нормативных актов до сих пор продолжает сковывать инициативу советских бизнесменов.

То, что мы открыто сказали о трагическом состоянии нашей экономики, о том, что мы на грани хаоса и кризиса, — свидетельство мужества, а не рабьей робости, свидетельство потенциальной силы общества.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Но какие реальные предложения утверждены Съездом народных депутатов (кроме создания авторитетных комиссий и комитетов)?

До тех пор, пока бумага — пусть с самым смелым и конкретным предложением хозяйственного или агропромышленного руководителя или же полубесправного и третируемого кооператора — будет месяцами ходить по инстанциям, мы перестройку не выиграем — потеряем в коридорах власти.

«Загнивающий Запад» строит свое предпринимательство, основываясь на двух основополагающих китах бизнеса: Банке и Законе.

Если Банк видит выгоду, реальность проекта, если бизнесмен имеет гарантии от серьезных держателей акций, он — Банк — немедленно дает ссуду под Дело, адвокаты незамедлительно оформляют этот акт в мэрии (муниципалитете, городском парламенте), и начинается работа. Время — деньги. Никаких проволочек, иначе начинаются инфляция, забастовки, экономический крах системы.

Так почему бы нам, не откладывая дело в долгий ящик дискуссий и прений, не взять за образец все лучшее из той экономической модели, которая себя оправдала? При подлинной народной власти это не есть отказ от социалистических идеалов, наоборот — приближение к ним, ибо ленинский принцип неизменен — все для народа!

Не на словах — на деле!

Юлиан СЕМЕНОВ

Рэкет... Проблема этого сравнительно нового для нашего общества явления последнее время постоянно находится в центре внимания общественности и средств массовой информации.

Правда, в разговоре на эту тему приоритет пока отдается не фактам, а эмоциям. И дело, естественно, не в том, что рэкет как социальное явление не волнует юристов, экономистов, социологов. Причина — в другом. Прежде всего для серьезного анализа недостает объективной информации. Кто знает, каковы сегодня реальные масштабы рэкета? Даже уголовная хроника на это не ответит. Не говоря уже о том, что публикуемые данные крайне скупы и фрагментарны, ведь хорошо известно, что далеко не все жертвы рэкетиров спешат за помощью в милицию.

Существуют ли иные источники информации? Да, такие источники есть. И прежде всего это — социологические опросы кооператоров, поскольку именно они сегодня являются основным объектом рэкета. К сожалению, исследований таких пока что проводилось мало. Правда, приходится делать скидку на известную осторожность кооператоров, когда им приходится отвечать на вопросы, связанные со столь опасной темой. Но само отношение к явлениям типа рэкета подобного рода опросы позволяют раскрыть гораздо полнее, нежели любые данные официальной статистики.

Одно из таких исследований было проведено нами на первом съезде кооператоров Латвии, состоявшемся в середине апреля этого года в Риге. Всего было опрошено 336 участников съезда, среди которых 90 процентов составили председатели и заместители председателей кооперативов, а остальные 10 процентов — «рядовые» кооператоры и лица, работающие в кооперативах по трудовому соглашению.

Следует сказать, что опрос в целом был посвящен общим проблемам развития кооперации в республике. Непосредственно с проблемой рэкета было связано всего несколько вопросов анкеты. Но именно такой комплексный подход позволил высветить несколько иной ракурс необъявленной войны против новой кооперации, который проблемой рэкета как бы оттеняется, но, по существу, связан с ней самым непосредственным образом.

Речь идет о той дани, которой облагают кооператоров не уголовники под угрозой применения силы, а разного рода чиновники, пользуясь своим служебным положением. Среди них — работники исполкомов, правоохранительных и финансовых органов, торговли, служб материально-технического снаб-

жения и т. д. Причем, как показывают результаты опроса, забот кооператорам они доставляют ничуть не меньше, чем рэкетеры в традиционном смысле этого слова, если не больше. Во всяком случае, отвечая на вопрос, «какие проблемы наиболее остро стоят непосредственно перед вашим кооперативом», поборы со стороны должностных лиц отметили 19 процентов участников опроса, тогда как рэкет указали только 7.

Сказанное, понятно, не умаляет значения собственно проблемы рэкета. Не случайно организованную борьбу с этим явлением 35 процентов опрошенных назвали среди основных задач созданного на съезде Союза кооператоров Латвии. Просто, по мнению кооператоров, в отличие от рэкета «государственного» рэкет уголовный еще не развернулся в полную силу.

Судите сами. Если явлением широко распространенным и представляющим уже сегодня большую опасность для кооператоров рэкет считают 25 процентов участников опроса, то 49 процентов придерживаются той точки зрения, что рэкет пока мало распространен, но в перспективе представляет серьезную угрозу. При этом характерно, что лишь 4 процента находят проблему рэкета малозначительной, полагая, что на эту тему говорят явно больше, чем она того заслуживает. Остальные либо затруднились дать ответ (20 процентов), либо придерживаются иной точки зрения (2 процента).

Что же можно противопоставить натиску рэкетиров? Участникам опроса был предложен широкий перечень мер, среди которых они могли выбрать, по их мнению, наиболее эффективные (одну или несколько), или предложить свои варианты ответов. Анализ полученных результатов показал следующее.

ПО МНЕНИЮ КООПЕРАТОРОВ, В ОТЛИЧИЕ ОТ РЭКЕТА «ГОСУДАРСТВЕННОГО» РЭКЕТ УГОЛОВНЫЙ ЕЩЕ НЕ РАЗВЕРНУЛСЯ В ПОЛНУЮ СИЛУ.

На действенность правоохранительных органов в борьбе с рэкетом свои надежды возлагают только 30 процентов опрошенных. Несколько больше (42 процента) считают необходимым повысить уголовную ответственность и ввести более жесткие меры наказания за преступления, связанные с рэкетом. И все же большинство участников опроса считают эти средства по меньшей мере недостаточными. Поэтому, не веря, что государство способно защитить их от рэкетиров, кооператоры все чаще вспоминают старую пословицу «на бога надейся, а сам не плошай». Короче, все идет к тому, чтобы встать на путь самообороны, противопоставив силе силу. По данным исследования, проведенного в Москве специалистами Института социологии АН СССР, НИИ МВД СССР и юрфака МГУ, каждый пятый из 200 обследованных столичных кооперативов уже сегодня имеет собственную платную охрану. Хотя, надо сказать, такой способ защиты от рэкета считают эф-

фективным только 9 процентов участников опроса. Почти вдвое больше (17 процентов) полагают, что настала пора создавать кооперативы, непосредственно специализирующиеся на борьбе с рэкетом. И наконец, 36 процентов высказываются за организацию общими усилиями соответствующих служб безопасности на местах и на республиканском уровне.

27 ПРОЦЕНТОВ КООПЕРАТОРОВ НА ВОПРОС О ТОМ, КАК ЧАСТО ИМ ПРИХОДИТСЯ ДАВАТЬ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ФОРМЕ ВЗЯТКИ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕГИСТРАЦИЕЙ КООПЕРАТИВА И ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОТВЕЧАЮТ, ЧТО ПОДОБНЫЕ СЛУЧАИ БЫВАЮТ ЧАСТО, А 23 ПРОЦЕНТА СЧИТАЮТ ЭТО ПОВСЕМЕСТНЫМ ПРАВИЛОМ.

Опасность подобного рода конфронтации нетрудно себе представить. Ясно ведь, что в значительной мере подобные «силы безопасности» будут формироваться из той же среды, что и шайки рэкетиров. Впрочем, для работы в таких службах кооператоры не прочь привлечь и штатных сотрудников правоохранительных органов. Но сути дела это не меняет. Речь идет в данном случае с созданием еще одной сети полуподпольных организаций в сфере, где даже защитные действия без должного правового контроля со стороны государства неизбежно выйдут за рамки закона, если вообще не приобретут характер, диаметрально противоположный первоначальному замыслу.

И все-таки больше волнует другое. Опрос показал, что без малого треть кооператоров в принципе не верят в существование сегодня сколько-нибудь действенных средств борьбы с рэкетом. А между тем кооперация для рэкетиров не просто «дойная корова». Это еще и «полигон» для освоения все более изощренного арсенала средств совершенствования уголовной тактики и стратегии, воспитания нового поколения рэкетиров — как практиков, так и теоретиков. И, думается, границы кооперативного сектора это новое поколение вряд ли оставят.

Развитие товарно-денежных отношений, дифференциация форм собственности неизбежно приведут к увеличению части населения с относительно высоким уровнем доходов. Причем не только за счет кооператоров. В числе состоятельных людей могут оказаться многие индивидуальные и арендаторы, фермеры и акционеры, работники совместных предприятий, лица, работающие за границей или получившие наследство, наконец, просто высококвалифицированные специалисты, если им когда-нибудь начнут платить действительно по труду. Кто даст гарантию, что контингенты эти со временем также не превратятся в объект рэкета? Тем более что уже известно немало фактов, когда жертва-

Сергей ШПИЛЬКО,
кандидат экономических наук

КАЖДОМУ ГОСУДАРСТВУ НЕОБХОДИМЫ

ми рэктеров становились люди, ни к кооперации, ни к «теневой» экономике отношения не имеющие. И практика такого рода не всегда носит случайный характер.

Конечно, случаи, подобные тому, что произошел недавно в Ельце, где под угрозой взрыва в Вознесенском соборе вымогатели потребовали у жителей церкви выкуп в размере 25 тысяч рублей, сегодня редкость. Пока, во всяком случае. Но обложить данью садово-дачный кооператив или рынок по продаже частных автомобилей в московском Южном порту, как это уже произошло и на Рижском рынке, рэктерам вполне по плечу. Так что кооперация — это всего лишь передовой рубеж борьбы с рэкетом. И если рубеж этот не удастся удерживать, не исключено, что под угрозой окажется жизнь и здоровье значительно более широких слоев населения, не говоря уже о том, что люди станут просто бояться много зарабатывать. А чисто экономические потери от ослабления материальных стимулов к высокопроизводительному труду могут оказаться для страны весьма существенными.

КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ ИЗ 200 СТОЛИЧНЫХ КООПЕРАТИВОВ УЖЕ СЕГОДНЯ ИМЕЕТ СОБСТВЕННУЮ ПЛАТНУЮ ОХРАНУ.

Вернемся теперь к рэкету «государственному». Почему эта проблема так волнует сегодня кооператоров? Прежде всего потому, что поборы со стороны должностных лиц, за которые в конечном счете расплачивается население, судя по всему, получили действительно широкое распространение. Судите сами. На вопрос, насколько широко распространены случаи, когда кооператорам приходится давать в той или иной форме взятки для решения вопросов, связанных с регистрацией кооперативов и организацией их хозяйственной деятельности, только 9 процентов опрошенных ответили, что случаи такие бывают крайне редко. 27 процентов считают, что подобные случаи бывают часто, и 23 процента — что это не отдельные случаи, а повсеместное правило. Остальные на этот вопрос просто не ответили. Но и сказанного достаточно, чтобы понять, какой паутинной мздоимства со всех сторон опутана сегодня кооперация. Этого обстоятельства нельзя не учитывать, расширяя права местных властей в области регулирования кооперативной деятельности.

Мы, разумеется, далеки от мысли бросить тень на весь работающий на местах аппарат управления. Но и кооператоров можно понять. Не случайно многие из них, разделяя в целом идею о целесообразности расширения прав местных Советов в области налогообложения кооперативных доходов, считают, что в существующей ситуации такой шаг чреват новой волной произвола властей и возникновением еще одного канала «государственного» рэкета.

И второе. Кооператоры смертельно боятся сращивания рэкета уголовного с «бюрократическим». А для этого у

них есть все основания. Связи коррумпированной части аппарата с преступным миром сегодня ни для кого не секрет. Не случайно в ходе углубленных интервью с участниками кооперативных съездов в Риге, Москве, Набережных Челнах не раз звучали требования обеспечить секретность статистики о финансовой деятельности кооперативов, прямые обвинения отдельных чиновников и работников правоохранительных органов в том, что они покрывают рэктеров.

Подведем итоги. Проблему преступного террора кооперации, как было показано, нельзя недооценивать. Но рассчитывать, что лежащие в ее основе экономические причины, прежде всего несбалансированность потребительского рынка, удастся устранить в ближайшем будущем, не приходится. Действие этих причин будет постепенно ослабевать только в случае успешной реализации радикальной экономической реформы. Однако сегодня очень важно не подливать, как говорится, масла в огонь. А возьмем, к примеру, печально известное постановление Совмина СССР о регулировании отдельных видов деятельности кооперативов, принятое 29 декабря прошлого года. Мы провели по поводу этого постановления экспертный опрос среди ведущих специалистов — экономистов и социологов, среди которых было немало ученых, известных всей стране как настоящие прорабы перестройки. Каковы же результаты? Подавляющее большинство экспертов не предвидят решения задач, которые ставили перед собой авторы постановления. Зато 72 процента участников опроса прогнозируют активизацию «теневой» экономики, которая заполнит вакуум, образовавшийся в связи с запрещением и регламентацией отдельных видов кооперативной деятельности, и 83 процента считают, что в результате возникнут дополнительные условия коррумпированности аппарата управления в соответствующих отраслях народного хозяйства. Последующие опросы, проведенные среди самих кооператоров, показали, что последние полностью разделяют мнение ученых. Спрашивается, разве нельзя было подобную общественную экспертизу провести на стадии разработки проекта постановления? Или мнение ученых и кооператоров наших законодотворцев мало интересует? Во всяком случае, оно учтено не было. Хочется надеяться, что новый состав Верховного Совета СССР рецидивов подобного рода не допустит. Тщательная научная проработка, учет мнения кооператоров, общественная экспертиза должны стать обязательными условиями принятия любых решений, касающихся судеб кооперативного движения.

НА ДЕЙСТВЕННОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С РЭКЕТОМ ВОЗЛАГАЮТ НАДЕЖДЫ ТОЛЬКО 30 ПРОЦЕНТОВ КООПЕРАТИВОВ.

Далее. На первом Съезде народных депутатов СССР было поднято немало острых социальных проблем, требующих срочного решения. Но проблема борьбы с орга-

низованной преступностью оказалась в значительной степени сведенной к обсуждению вопросов, связанных с работой следственной группы Т.Х.Гдьяна и Н.В.Иванова. Не касаясь этой последней темы, хочется сказать, что, по нашему глубокому убеждению, проблема борьбы с преступностью, и в том числе с рэкетом, по своей остроте стоит в одном ряду с реформой образования, здравоохранения и ликвидацией малообеспеченности. При распределении трудовых, материальных и финансовых ресурсов общества это обстоятельство необходимо учитывать. В частности, на укрепление кадрового состава, материально-технической базы правоохранительных органов, повышение заработной платы их работников необходимо направить часть ресурсов, высвобождающихся в результате сокращения армии и расходов на оборону. Это, если хотите, тоже своего рода конверсия. Вообще, от постоянной критики работы правоохранительных органов пора переходить к всенародной, и в том числе государственной, помощи их работе, если мы действительно хотим дело борьбы с преступностью сдвинуть наконец с мертвой точки.

САМИ КООПЕРАТОРЫ СЧИТАЮТ, ЧТО НАСТАЛА ПОРА СОЗДАТЬ КООПЕРАТИВЫ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИЕСЯ НА БОРЬБЕ С РЭКЕТОМ.

Определенную, вполне конкретную помощь могут оказать здесь и кооператоры. Вместо того чтобы самим вступать на путь вооруженной борьбы с рэктерами, целесообразно, на наш взгляд, создавать соответствующие специальные подразделения в составе органов внутренних дел, что, конечно, с остальной милиции ответственности за данный участок работы не снимает. Финансироваться такие подразделения могут полностью или частично за счет средств возникающих повсеместно союзов и профсоюзов кооператоров, а также поступлений от отдельных кооперативов. Для реализации данного предложения правоохранительным органам совместно с представителями союзов кооперативов стоило бы подумать о разработке специальной программы. Во всяком случае, результаты наших опросов дают основания полагать, что среди кооператоров это предложение получит несомненную поддержку.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ?

Александр ПОКЛАД

Лидер нашей державы умирал. А в это время заведующий отделом международной информации ЦК КПСС, раскрасневшись от возмущения некорректным, по его мнению, вопросом одного из западных корреспондентов о здоровье лидера, на повышенных тонах говорил, что он просто простудился и сейчас «активно выздоравливает». Происходило это в пресс-центре МИД СССР. Через несколько недель лидер умер, но уже вышел в свет солидным тиражом на многих иностранных языках материалы упомянутой пресс-конференции. Открыв эту брошюру посередине, можно было наткнуться на вопрос о здоровье Юрия Владимировича Андропова и гневный ответ Леонида Митрофановича Замiatина. Возможно, помощники плохо объяснили тогдашнему главе советской внешнеполитической пропаганды разницу между смертельной болезнью почек и простудой? Или, проинформировав о том, что южнокорейский лайнер «ушел в сторону моря», забыли уточнить, что ушел он не по горизонтали, а по вертикали?

Застой — сейчас мы это уже все хорошо понимаем — коснулся всех сфер нашей жизни, в том числе и внешнеполитической пропаганды. Зачастую мы пытались доказать миру недоказуемое, права человека определяли как «так называемые», глушили западные радиоголоса, видеотехнику считали подрывной. Под конец зас. ойного периода в моду вошло слово «контрпропаганда». Произошло это после того, как стало ясно, что по ряду направлений в области идеологической борьбы мы сдаем позиции, и кроме как «контр» других мер предпринять уже не можем. Толком объяснить разницу между пропагандой и контрпропагандой никто не мог, но комиссий создавалось много.

Вопросом противодействия «враждебной пропаганде» и идеологической борьбы были посвящены несколько партийных постановлений, их обсуждали на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК. Были написаны десятки книг и сотни статей. Но это почему-то не помогало. Контрагенты с недоверием относились к нашей пропаганде, и даже деловые серьезные предложения объявлялись «пропагандистскими трюками», к чему мы, к сожалению, сами иногда давали основания.

После апреля 85-го вдруг оказалось, что не нужны постановления, «глушилки», советы по контрпропаганде. Нужно говорить правду, и это срабатывает гораздо эффективнее. Мир увидел, что мы можем быть открытыми, самокритичными, мыслящими по-новому.

Но если по содержанию наша пропаганда на зарубежную аудиторию осуществила, прямо скажем, прорыв, то по форме она осталась на прежнем уровне. Средства и методы ведения внешнеполитической пропаганды по сей день далеки от современных требований. Как ни странно, перестройка практически не затронула наш внешнепропагандистский аппарат, который мы часто называем «передним краем идеологической борьбы».

А при ближайшем рассмотрении «переднего края» выясняется, что там налицо все признаки «механизма торможения»: ведомственность, неповоротливый бюрократический аппарат, уравниловка. Как результат — хромает оперативность, что в пропаганде — фактор №1, распыляются финансовые и людские ресурсы, одно ведомство дублирует функции другого и наоборот, некоторыми вопросами не занимается никто, надеясь на соседа.

Ведь в Советском Союзе внешнеполитической пропагандой в той или иной степени занимается более десятка ведомств! МИД, ТАСС, Гостелерадио, АПН, ССОД, Госкино... Расходы на работу с зарубежным общественным мнением у нас, надо думать, немалые. На этом направлении задействованы тысячи квалифицированных журналистов и технических работников. А отдача неадекватна усилиям. Примеров тому масса.

Цивилизованный мир уже забыл, что такое черно-белая фотография. Наши же учреждения за границей буквально завалены черно-белыми материалами. Видимо, кто-то запланировал их выпуск на много лет вперед. А вот выпуск сувениров, одежды, наклеек с советской символикой, столь популярной сейчас на всех континентах, не запланировал никто. И автору этих строк, работавшему пресс-атташе в одной небольшой стране, приходилось в письмах слезно просить соседей купить у кооператоров на Рижском рынке сувениры с серпом и молотом и переслать их в далекую страну. Никто не запланировал и выпуска кассет с советской классической и эстрадной музыкой. И приходилось во время отпуска записывать в кооперативных студиях советский рок и потом раскладывать кассету за кассетой знакомым дипломатам.

Сейчас у нас активно критикуются административно-командные методы управления, чрезмерное засилье сверх-

централизованного планирования. Мы уже пришли к пониманию того, что эти вещи вредны и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Но когда же мы поймем, что командно-административные методы тем более недопустимы в сфере пропаганды, особенно внешнеполитической? Нельзя ведь запланировать борьбу идей.

Другое дело, можно приурочить проведение выставки или фестиваля к 7 ноября, Дню Победы, Ленинским дням. Но привычка работать «по кампаниям» настолько въелась в кровь наших внешнепропагандистских ведомств, что, ударно проведя и отчитавшись за три-четыре «кампании» в год, все остальное время они трудятся размеренно, не торопясь. Таким образом, наша работа с мировым общественным мнением проходит в равном ритме: мы будоражим его несколько раз в год, напоминая о своих успехах и достижениях, а в промежутках стараемся отдышаться и собрать силы для следующего «боя».

Царит на переднем крае и пресловутый «вал». Эффективность усилий на идеологическом фронте оценивается не по качественным результатам (система такой оценки давно разработана и применяется во многих странах), а по количеству. Количество распространенной литературы, количество прочитанных лекций, количество использованных в местных средствах массовой информации материалов АПН... При этом забывается, что самый популярный оборотный материал на рынках в разных уголках планеты, увы, — советские издания. Что будет, если прислать в отсталую аграрную страну тысячу брошюр о проблемах роботизации? Не поймут. И начнут заворачивать в них продукцию своего аграрного сектора. Хотя для отчета хорошо: распространили 1 тысячу экземпляров «пропагандистской литературы». Мы распространяем за рубежом миллионы экземпляров книг, журналов, а вот советского аналога «Тайм» создать не можем.

Или вот еще такой случай, прямо-таки классический. После XXVII съезда КПСС в посольство, где работал автор этих строк, должны были прислать видеокассету с «Дневником съезда», то есть живым рассказом о его работе, делегатах. Каково же было наше удивление, когда мы получили... три кассеты с записью доклада Генерального секретаря ЦК КПСС. Ни один иностранец (за исключением специалиста-советолога) не будет смотреть многочасовой доклад, как вряд ли кто-либо из советских людей будет смотреть многочасовые выступления зарубежного лидера, какую бы симпатию он ни вызывал. И наше телевидение не показывает такие выступления. И на телевидении той небольшой страны нам тоже сказали: «Показать не можем». Вот динамичную программу с живым рассказом о съезде — другое дело. В результате из трех кассет в эфир пошло несколько минут. А ведь видеокассеты мы приобретаем на валюту... Но в отчете наверняка прозвучало: во все страны направлены три кассеты, а не одна! План перевыполнен!

Как и в других сферах, за «валом» как-то забывались проблемы научно-технического прогресса. Лозунг «Передовые идеи должны пропагандироваться с помощью передовой техники» и сегодня остается лишь лозунгом. Правда, кой-какие сдвиги есть: создается телевизионная система «Москва-глобальная», шире внедряется телеканальная аппаратура, сдвинулся с мертвой точки вопрос об использовании видеоаппаратуры в пропагандистских целях. Но это лишь первые робкие шаги. Вспомним, что американская телесистема «Уорлдент» функционирует с 1983 года. Передовой техникой оснащаются различные пропагандистские службы. Так, внедрение компьютеров на службе Информационного агентства США (ЮСИА) «Беспроводное досье» позволило сократить сроки переработки и передачи информации в отдельные агентства за рубежом с 3—4 часов до 15 минут. Видеотехника давно стала органической частью технического обеспечения западных пропагандистских служб. Активно модернизируются «Голос Америки», Би-би-си, другие радиостанции.

Сравнивая техническую оснащенность западных и наших внешнепропагандистских ведомств прежде всего новейшими средствами связи, обработки и хранения информации, следует признать: мы пока не готовы к широкомасштабному информационному обмену. Как бы разумно ни выглядели наши «валовые» отчеты о пропагандистской работе, а от того факта, что в несоциалистическом мире в сфере коммуникации и пропаганды беспредельно господствуют западные монополии, нигде не деться. Мы зримо отстаем от ведущих западных пропагандистских служб как с организационной, так и с технической точки зрения. А надо бы подтянуться, ибо новое политическое мышление предполагает в том числе расширение информационных, культурных и гумани-

тарных контактов. Такой подход зафиксирован и в решениях, принятых на недавно завершившейся Венской встрече. Вопросы информационных обменов обсуждались на форуме в Лондоне. В наш век, который некоторые специалисты называют веком «информационного взрыва», уже нельзя просто почивать на лаврах, по старинке думая, что наши идеи сами по себе завоевуют новых сторонников только потому, что они передовые.

Каким образом оздоровить ситуацию на «переднем крае идеологической борьбы»? Однозначные рецепты давать трудно, но можно проанализировать опыт наиболее действенных работающих зарубежных внешнепропагандистских служб и выявить на этой основе некоторые характерные черты.

Первое: централизация правительственной пропаганды в руках одного ведомства. Наиболее характерный пример — уже упоминавшееся ЮСИА. Агентство занимается всем: в его подчинении находятся «Уорлдент» и «Голос Америки», оно издает журналы, проводит выставки, содержит за рубежом центры, библиотеки, курсы английского языка, курирует научные, культурные, спортивные обмены, выпускает видео- и кинофильмы. Директор ЮСИА является советником президента, что придает ему значительный вес.

Создание органа, который ведал бы всеми вопросами правительственной внешнеполитической пропаганды, позволило бы устранить дублирование в работе различных ведомств, сократить их раздувшийся бюрократический аппарат, высвободить, наконец, солидные финансовые средства, которые как раз и можно было бы направить на оснащение наших внешнепропагандистских служб новейшей техникой. Подчеркнем, что речь идет не о реформе механизма, генерирующего идеи для внешнеполитической пропаганды, разрабатывающего ее стратегию. Ведущая роль в этой работе руководства партии и правительства очевидна; к ней подключены и многие научные институты. Речь идет о реформе аппарата, проводящего выработанную стратегию в жизнь. Именно на «тактическом» уровне наблюдаются многочисленные сбои, которые из пропаганды способны сделать антипропаганду. Эта идея не нова, но у нее есть много противников. Их основной аргумент таков: коренная реорганизация отнимет массу средств и времени. Но ведь мы перестраиваем всю страну! А мотивы противодействия понять можно: в случае реализации данной идеи многие управленцы, бюрократы от пропаганды потеряют свои теплые кресла.

Читатель спросит, а не приведет ли централизация к потере плюрализма суждений, преподносимых нами зарубежной аудитории, не усилятся ли командные методы?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на другую черту, характерную для современной внешнеполитической пропаганды. Она заключается в том, что к работе с зарубежной аудиторией широко подключаются всевозможные общественные, религиозные, частные организации и фонды. До сих пор мы говорили только о ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ пропаганде. В тех же Соединенных Штатах, помимо ЮСИА, существует множество частных корпораций, ведущих активную пропагандистскую и рекламную работу на зарубежье, зачастую сочетая это с получением коммерческой выгоды.

Нам надо разбудить интерес госпредприятий, общественных организаций и кооператоров к такой работе. Можно, например, создавать совместные предприятия по производству и распространению на коммерческой основе книжной продукции, кино- и видеосюжетов о Советском Союзе. Мы имеем возможность читать «Бурду» и «роман века», выпущенный советско-французским издательством, так почему бы не предложить иностранной аудитории добротный журнал, издаваемый совместно с какой-либо зарубежной фирмой? Почему бы не дать кооперативам, производящим изделия с советской символикой, возможность выхода на мировой рынок?

Надо, наконец, создать институт добровольцев. Дать возможность студентам медицинских, строительных, лингвистических вузов проходить практику за рубежом. Добровольно. За рубежом — добровольно? Не улыбайтесь. Добровольцы должны ехать в те страны и регионы, где люди более всего нуждаются в их помощи; и ехать не за длинным инвалютным рублем, а на практику, которая оплачивается низко.

Не хочется претендовать на истину в последней инстанции. Вероятно, существуют другие мнения о путях перестройки в таком важном деле. Наверняка можно предложить гораздо больше конкретных форм работы, поспорить и об общей концепции, и по деталям. Любой советский человек без труда найдет в многочисленных книгах и статьях данные о бюджете, структуре и деятельности ЮСИА, Би-би-си, «Британского совета», «Альянс Франсез», «Института Гете». Эти данные ни для кого не секрет. Однако попробуйте разыскать сведения о бюджете и структуре ТАСС, АПН, ССОД... Кстати, ни в одно из этих ведомств вы не войдете без специального пропуска. И если ТАСС — госучреждение, то АПН — общественное агентство, не так ли? Общественности же туда дорога заказана.

Мы знаем, например, что Франция расходует на внешнеполитическую пропаганду примерно 0,9 процента своего госбюджета, ФРГ — 0,8, Великобритания — 0,2. А мы? Сколько денег из кармана советского налогоплательщика расходуется на работу с зарубежным общественным мнением? Правильно ли они расходуются? Какие мы имеем с них идеологические и коммерческие дивиденды? Не хочется все-таки оплачивать производство оборотной бумаги для рынков развивающихся стран.

Выход один: обсудить проблему нашей внешнеполитической пропаганды открыто, поставить деятельность соответствующих ведомств под четкий, гласный контроль Советов, прежде всего Верховного Совета. Тогда наша пропаганда станет более оперативной, гибкой, технически лучше оснащенной. Тогда не будут расходоваться впустую значительные суммы в рублях и валюте. Тогда каждый из нас сможет реально осознать, что, трудясь у станка, в поле или в научной лаборатории, он не только крепит экономическую мощь страны, но и вносит свой посильный вклад в дело создания положительного образа его Родины в глазах миллионов людей на планете.

КАБИНЕТ

Член Высокого
суда Англии
Сэр Рой БЕЛДАМ

В Москве стояла изнуряющая жара — ртутный столбик подбирался к тридцатиградусной отметке. Прохладный холл гостиницы «Ленинградская» оказался самым удобным местом для беседы с Сэром Роем Белдамом — членом Высокого суда Великобритании, председателем Комиссии по правовой реформе британского парламента. Высокий гость возглавлял делегацию английских юристов, принимавших участие в советско-британском симпозиуме «Правовые реформы уголовного права и процесса». С вопроса об итогах симпозиума и началась наша беседа.

— Я очень удовлетворен тем чрезвычайно высоким уровнем дискуссии, которую мы провели на симпозиуме. На меня произвело большое впечатление выступление советских юристов — профессора Савицкого и его коллег. Я просто восхищен их знанием юриспруденции и особенно тем, как хорошо они осведомлены о нашем подходе к юридическим вопросам.

— Судья Белдам, долг ли путь до члена Высокого суда Англии?

— Мне понадобилось для этого 25 лет. Сначала вы должны пройти практику как **барристер** (адвокат, выступающий в суде) или **солиситор** (юрист-консультант), у вас должен быть опыт ведения всех судебных дел как в Англии, так и в Уэльсе (в Великобританию входит еще и Шотландия, но там свои судебные порядки). И только после того как у вас появится достаточный опыт, вы можете работать судьей или как солиситор. Обычно только барристер может стать членом Высокого суда, солиситор же может быть назначен в коронный суд.

— Вы стали судьей, пройдя все эти стадии?

— Да. Я родился в 1925 году, во время войны служил в Королевских военно-морских силах, после войны поступил в Оксфорд, изучал юриспруденцию. Был простым барристером до 1969 года, потом стал королевским советником, что является у нас высшим юридическим рангом, работал судьей, а затем главным судьей в районах Честер и Уэльс. Вот уже несколько

лет я являюсь председателем Комиссии по правовой реформе британского парламента.

— В нашей стране сейчас тоже происходит правовая реформа. Поэтому было бы интересно узнать, каковы главные аспекты британской правовой реформы. Носит ли она радикальный характер?

— Законодательство в Великобритании существует и развивается в течение 5—6 веков. Если говорить о главных реформах, то здесь надо выделить два типа реформ. Чем больше мы имеем судов, тем сложнее решать, какие судебные дела должен рассматривать тот или иной суд. Поэтому лорд-канцлер — глава судебного ведомства, Верховный судья Англии и председатель палаты лордов — представляет широкий спектр предложений относительно реформы судебной системы, которые включают в себя и права граждан, и права юристов. Сейчас уже приняты значительные изменения в части ведения дел. Только самые серьезные дела рассматриваются в Высоком суде, а остальные в судах низшей инстанции. Комиссия, которую я возглавляю, занимается всеми аспектами законодательства — семейным правом, уголовным, торговым и финансовым. Мы также разрабатываем процессуальные правила, в частности, стремимся к тому, чтобы каждый человек имел доступ на заседания любого суда.

— Кто в Англии контролирует качество рассмотрения дел в судах?

— Система контроля, существующая у нас, немного отличается от системы, которая принята в СССР. Прежде всего, есть Королевская прокуратура, независимая от государства и полиции. Она отвечает за представление дела в суд. Если дело достаточно серьезное, то прокуратура не сама представляет дело в суд, а уполномочивает независимого барристера действовать от ее лица. В этом случае оно будет рассматриваться судом присяжных в нашем высшем уголовном суде. А расследование такого дела начинается полицией, куда может обратиться любой гражданин. Полиция должна представить доказательства и передать их в Королевскую прокуратуру, которая решает, кому предъявить обвинение.

На самом судебном заседании обвиняемый предстает перед жюри присяжных из 12 человек, судья является главным лицом на этом заседании, он направляет жюри в рамках закона, и после слушания свидетелей, обвиняемого они решают, виновен он в совершенном преступлении или нет.

— Британский суд присяжных собирается только для наиболее серьезных дел?

— Да, он рассматривает только самые серьезные дела. Мелкие случаи — как, например, нарушения дорожных правил, езда без прав — попадают в специальные суды — магистраты, которые состоят из обыкновенных людей, имеющих определенное положение в обществе. Им доверяют, и они заседают в суде 3—4 дня в неделю, причем по очереди, с тем чтобы они могли вести свою нормальную работу. Знания о законах они по-

лучают от профессионального юриста — барристера или солиситора и ведут судебное разбирательство так же, как оно ведется в Королевском суде.

— Часты ли в английском суде дела, рассматривающие нарушения законности со стороны правоохранительных органов — следствия, полиции, прокуратуры?

— Это бывает время от времени. Полиция сама по себе — большая сила, и, конечно, полицейские тоже могут совершать преступления. Если такое происходит, то к ним точно такое же отношение, как и к любым другим гражданам. Если полиция во время расследования нарушает закон по отношению к обвиняемому — прежде всего тогда, когда получает доказательства незаконными средствами, — то полицейских могут обвинить в совершении преступления. У нас любой человек может пожаловаться властям на нарушение закона — есть специальный отдел, который разбирает жалобы на действия полиции. Его возглавляет очень влиятельный барристер, и против полицейского, нарушившего закон, могут быть предприняты любые дисциплинарные меры: от предостережения до понижения в звании.

Кроме того, у нас есть закон, по которому человек, неправильно задержанный полицейским или содержащийся под арестом незаконно, может предъявить полиции иск, и это происходит у нас десятки раз в году. Я сам принимал участие в таких процессах, и если решал, что полиция, арестовав человека, не права, приказывал произвести возмещение морального и материального ущерба за незаконное задержание. Если со стороны полиции человеку нанесен более серьезный ущерб, у нашего суда есть право наказать полицейского очень сурово, с тем чтобы другим было непонятно это делать.

— Применяется ли в британском законодательстве смертная казнь?

— Смертная казнь у нас была запрещена в 1959 году. Но в теории она остается для очень серьезных случаев, как, например, измена родине.

— Высок ли процент отмененных приговоров в судах?

— У нас очень строгая процедура апелляции относительно вынесенных в судах приговоров. Причем это касается всех судов, начиная от суда низшей инстанции — магистрата до Королевского. Апелляция — это полный пересмотр дела. У меня сейчас нет под рукой статистических данных, но я могу сказать о Высоком суде. Если апелляция подана на решение суда присяжных заседателей, то эта апелляция рассматривается под председательством трех судей Высокого суда в Лондоне. Но таких апелляций очень мало — грубые судебные ошибки весьма редки. Могу сказать, что это меньше одного процента от всех приговоров, вынесенных судами присяжных.

— Какова техническая оснащенность британских судов?

— Все судебное заседание записывается на магнитофон, есть также стенографистки, которые ведут официальную запись показаний. Некоторые суды оснащены телевизионными экранами, специальной

аппаратурой для демонстрации документов.

— В том числе и компьютерами?

— Нет, в залах заседаний компьютеров нет. Но их много в каждом департаменте — это и облегчает нашу работу, и делает ее доступной для многих.

— Как формируется судебный корпус в Англии? Судьи выбирают или назначаются?

— Судей у нас не выбирают. Лорд-канцлер лично отвечает за назначение всех судей. Но при этом они абсолютно независимы как от лорда-канцлера, так и от парламента, поэтому судья Высокого суда не может быть освобожден от должности, если две трети обеих палат не согласны с этим. Судей низших судов можно смещать, но этого никогда не делает лорд-канцлер. Все судьи работают до ухода в отставку. Например, судья моего ранга может работать до 75 лет. Почему так долго? Потому что у него большой опыт, и обычно он назначается Верховным судьей в возрасте 50—55 лет и только через 15 лет получает пенсию. Основная же масса судей уходит в отставку в возрасте 65—70 лет.

— Судья Белдам, скажите, возможно ли в Англии длительное содержание подсудимых в тюрьме? У нас, увы, это еще случается.

— Что вы подразумеваете под словом «длительное»?

— Ну, к примеру, три-четыре года...

— Такого у нас не бывает. Можно ждать суда от 6 до 9 месяцев — не больше. Каждый, кто обвиняется в совершении преступления в Великобритании, после того как ему предъявлено обвинение, должен предстать перед судом в течение 24 часов, то есть обычно это происходит на следующий день. Во время же следствия любой имеет право выйти под залог. Конечно, если это опасный преступник, мы можем содержать его под стражей, но и в этом случае не годами, конечно.

— Судья Белдам, что Вы можете сказать по поводу недавней высылки из Англии группы советских дипломатов и журналистов?

— Это чисто административная мера. Как я знаю, наши министры иностранных дел — Шеварднадзе и Хау — пришли к соглашению, что это ни в коей мере не должно отразиться на отношениях между двумя странами. Во всяком случае, это никак не повлияло на мой визит в Москву.

«Совершенно секретно» продолжает знакомить читателей с Отчетом Комиссии Уоррена, который никогда не публиковался в нашей стране.

На наш взгляд, интерес представляют подробности биографии Освальда. Публикуя выдержки из Отчета Комиссии, назначенной для расследования дела об убийстве президента Кеннеди, напоминаем, что стилистика этого документа, изданного в США на русском языке, сохранена нами без изменений.

УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА

ОСВАЛЬД И ПРЕССА

В пятницу около двух часов дня, когда полицейская машина, везшая Освальда из кино «Техас», въехала в подвальный этаж главного управления полиции, несколько журналистов и фоторепортеров, преимущественно местной печати, телевидения и радиостанций, были уже на месте. Полицейские с трех сторон окружили Освальда и повели его к лифту, но несколько репортеров втиснулись в лифт вслед за Освальдом и полицией. Когда лифт остановился на третьем этаже, фоторепортеры бросились вперед по коридору, а затем обернулись и стали пятиться, снимая Освальда по мере того, как его вели по направлению к бюро по расследованию убийств и грабежей. По свидетельству одного из полицейских, сопровождавших Освальда, шесть-семь репортеров проникли вслед за полицейскими в бюро.

С того момента в пятницу, когда Освальд был привезен в здание, и до воскресенья газетные репортеры и телеоператоры сосредоточили свое внимание на бюро по расследованию убийств. На виду у толпы репортеров и на самом незначительном расстоянии от них Освальд после своего ареста по крайней мере 15 раз проходил 20 футов по коридору от бюро по расследованию убийств до запертой двери, ведущей к тюремному лифту. Тюремный лифт, в который посторонняя публика не допускается, возил Освальда в его камеру на пятом этаже, а также в подвальное помещение для опознания и на пресс-конференцию в пятницу.

Большой частью охране Освальда, состоявшей из трех-шести детективов и полицейских, приходилось проталкиваться сквозь толпу репортеров, старавшихся их окружить. Несмотря на то что далласская пресса обыкновенно не фотографирует заключенного без предварительного разрешения полиции, которая, в свою очередь, обычно осведомляется о согласии на это самого заключенного, никто из репортеров не придерживался этого правила по отношению к Освальду. В большинстве случаев стоило Освальду показаться, как репортеры направляли на него фотоаппараты, тыкали ему в лицо микрофоны и задавали вопросы, перебивая друг друга. Иногда он им отвечал. Репортеры, очутившиеся в передних рядах толпы, передавали его ответы тем, кто стоял сзади и не мог его слышать. Все же увещевания полиции возымели некоторое действие: в субботу репортеры проявили больше сдержанности и не забрасывали Освальда таким количеством вопросов, когда он проходил по коридору.

Самое продолжительное пребывание Освальда на виду у всех имело место во время ночной пресс-конференции в пятницу. В ответ на требования репортеров окружной прокурор Уэйд, посоветовавшись с начальником полиции Керри и с

капитаном Фритцем, объявил незадолго до полуночи, что Освальд появится на пресс-конференции в зале подвального этажа. В эту сравнительно небольшую комнату набилось от 70 до 100 человек, в числе которых был Джек Руби и другие незаконно проникшие туда лица. Никакого удостоверения личности не требовалось. Комната была до такой степени переполнена, что заместитель начальника полиции М. Стивенсон и капитан Фритц, спустившиеся в подвальный этаж уже после того, как там собралась толпа, не могли войти и были вынуждены остаться в дверях.

Освальда привели в помещение вскоре после полуночи. Керри дал полицейским указания не допускать репортеров близко к Освальду и не позволять им его касаться, но никаких мер для ограждения Освальда от толпы не было принято. Капитан Фритц просил, чтобы Освальда поместили на помост, на который обычно выстраивают подлежащих опознанию преступников, с тем чтобы их легче было «в случае чего» увести через боковую дверь. Однако начальник полиции Керри настоял на том, чтобы Освальд стоял перед помостом, где его не заслонял бы специальный нейлоновый экран, прозрачный только в одном направлении, который обычно употребляется для того, чтобы подозреваемое лицо не могло видеть находящихся в помещении. Это было сделано в связи с жалобой фоторепортеров, заявивших Керри, что фотографии, снятые сквозь экран, выйдут недостаточно ясными.

Керри предупредил репортеров, чтобы они не «задавали вопросов и никаким образом не пытались интервьюировать Освальда». Однако, как только его ввели в помещение, «они немедленно начали обстреливать его вопросами и совать ему в лицо микрофоны». Трудно было слышать ответы Освальда среди этого гама. Фоторепортеры снимали его, влезши на столы, а другие проталкивались вперед, чтобы иметь возможность заснять его крупным планом. По мере того как репортеры кричали друг на друга, требуя посторониться, а фотографии делали невероятные усилия, чтобы занять наиболее выгодные позиции для съемки, шум и сумятица возрастали. Освальд пробыл в помещении всего несколько минут, когда начальник полиции Керри вмешался и распорядился, чтобы Освальда отвели обратно в тюрьму, так как, по его выражению, репортеры «наседали на арестованного».

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПЕРЕВОЗ В ТЮРЬМУ

Обычно в Далласе, после того как кому-либо предъявлено обвинение в уголовном преступлении, шериф округа берет заключенного под стражу, принимая на себя ответственность за его безопасность. При нормальных условиях далласское полицейское управление уведом-

ляет шерифа о предъявлении заключенному обвинения в уголовном преступлении, и шериф высыласт своих помощников, чтобы перевезти обвиняемого в окружную тюрьму. Это обычно делается через несколько часов после предъявления официального обвинения. Однако иногда в особо важных случаях полиция сама препровождает заключенных в окружную тюрьму.

Решение перевести Освальда в тюрьму утром в воскресенье было принято начальником полиции Керри накануне вечером. По словам помощника Керри, в субботу вечером, немного позже 7 ч. 30 м., два репортера сказали ему, что хотели бы пойти поужинать, но «опасаются что-нибудь пропустить, в случае если бы мы стали перевозить заключенного». В это время к ним подошел Керри и сказал репортерам, что если они вернутся к десяти часам утра, то «ничего не пропустят». Немного погодя, поговорив с капитаном Фритцем, Керри объявил то же самое всем собравшимся репортерам.

В течение ночи, между 2 ч. 30 м. и 3 ч., в местный отдел ФБР, а также в бюро шерифа звонил человек, личность которого так и не была установлена, и предупреждал, что какой-то «комитет» принял решение «убить человека, который убил президента». Вскоре после этого агент ФБР уведомил далласскую полицию об анонимной угрозе. Полицейское управление, а позже и сам Керри были извещены об этих угрозах.

В воскресенье немедленно по своем прибытии в полицию Керри говорил по телефону с шерифом Дж. Э. Декером о перевозке Освальда. Когда Декер изъявил готовность предоставить на усмотрение Керри кому поручить перевозку Освальда, подчиненным шерифа или полиции, Керри решил, что этим займется полиция, так как «нас это так близко касалось, мы занимались расследованием дела, и у нас для этого уже был наготове полицейский персонал».

Керри решил, что Освальда надо будет вывезти из здания через подвал.

Предварительные меры для получения добавочного персонала при перевозке Освальда были приняты в субботу вечером.

В воскресенье утром, в начале десятичного, полицейские очистили подвал от всех посторонних. Охрана была поставлена на Мэйн-стрит и Коммерс-стрит у пандуса, соединяющего обе эти улицы, у каждой из пяти дверей в гараже и у двойных дверей, открывающихся в приемную, примыкающую к канцелярии тюрьмы. Затем сержант Патрик Т. Дин, выполняя инструкции, поручил 14 полицейским тщательно осмотреть гараж.

Несмотря на тщательность, с которой был произведен осмотр, избежать одного, а возможно, и двух пробелов при контроле доступа в гараж не удалось. Из показаний неясно, была ли дверь заперта изнутри и снаружи дверь на лестницу около лифтов — необходимое условие для обеспечения полной

безопасности. И хотя у двойных дверей стояла охрана, в прихожую, находящуюся около тюремной канцелярии, могла проникать публика из здания полицейского управления и суда без предъявления документов. За несколько секунд до убийства Освальда спешившие заснять его фоторепортеры могли беспрепятственно проникнуть через эти двери в подвальное помещение.

Когда осмотр был закончен, полиция разрешила представителям печати вернуться в подвал и собраться у входа в гараж с восточной стороны пандуса. Позднее полиция позволила журналистам стоять перед перилами с восточной стороны автомобильного пандуса, ведущего на Мэйн-стрит. Расставленные Толбертом и Дином полицейские получили инструкции пропускать в подвал только представителей печати, имеющих соответствующие удостоверения. Как и прежде, полиция удовлетворялась любым, казавшимся настоящим удостоверением, но некоторые полицейские относились к проверке серьезно, сверяли фотографии и требовали соответствующих документов. Многие журналисты потом сообщили, что, пока они ждали в подвале, их проверяли по несколько раз. Небольшое число журналистов, однако, не могло припомнить, проверял ли кто-либо вообще их удостоверения.

В воскресенье утром, вскоре после своего прибытия, Керри предписал очистить от репортеров тюремную канцелярию и держать оборудование для телевидения за перилами, отделяющими автомобильный въезд в подвал от гаража.

Примерно в 11 ч. утра заместитель начальника полиции Стивенсон предложил капитану Джонсу из бюро по расследованию подделок и подлогов отправить всех имевшихся в его распоряжении детективов с третьего этажа в подвал. Джонс велел сопровождавшим его в подвал детективам выстроиться вдоль стен очищенного от публики прохода, по которому должны были пройти Освальда.

Около 11 ч. 20 м. утра автомобиль двинулся к выезду, и Освальд в сопровождении капитана Фритца и четырех детективов был доставлен в канцелярию тюрьмы. Когда Освальд шел через канцелярию к выходу, находившиеся в подвале фоторепортеры стали делать снимки через стекла внутренних окон тюремной канцелярии. Затем некоторые из фотографов выбежали через двойную дверь около тюремной канцелярии и протиснулись в первый ряд зрителей, выстроившихся поперек части пандуса, выходящей на Мэйн-стрит. Другие остались стоять в двойных дверях, а третьи последовали за Освальдом и сопровождавшей его охраной.

В этот момент Фритц подошел к дверям тюремной канцелярии и спросил, все ли готово. Один из стоявших в проходе детективов дал утвердительный ответ. Кто-то крикнул: «Вот он идет!» В подвале были включены добавочные прожекторы, и там усилился шум. Один

из детективов вышел из тюремной канцелярии и направился к автомобилю, в котором должен был быть перевезен Освальд. Несколько секунд спустя из дверей вышел Фриц, а затем появился Освальд. Несмотря на то что кинофильмы и видеоленты свидетельствуют о том, что стоявшие вдоль проезда на Мэйн-стрит журналисты не двигались с места, у многих наблюдавших за этой сценой создалось впечатление, что после появления Освальда все бросилось вперед. Детектив, шедший непосредственно за Освальдом, сказал: «Как только мы вышли из двери... эта компания двинулась прямо на нас». Детективу, стоявшему у двери из тюремной канцелярии со стороны Коммерс-стрит, показалось, что «почти все стоявшие там люди принялись проталкиваться вперед. Когда Освальд выходил из тюремной канцелярии, все журналисты стали совать ему под нос свои микрофоны и задавать вопросы; повсюду виднелись вспышки магния — сверху, снизу, над ним и перед его лицом».

Когда Освальд отошел от дверей тюремной канцелярии, Джэк Руби протиснулся между одним из журналистов и детективом в первый ряд напавшей толпы на пандусе от Мэйн-стрит. Держа в вытянутой руке револьвер 38-го калибра, Руби быстро сделал шаг вперед и выстрелил в живот Освальда. Рана оказалась смертельной.

КАК ДЖЭК РУБИ ПРОНИК В ПОДВАЛ

Убийство Освальда в подвале полицейского управления в присутствии свыше 70 полицейских чинов немедленно породило слухи, что по крайней мере один, а может быть, и несколько чинов полиции помогли Руби проникнуть в подвал и приблизиться к заподозренному в убийстве президента человеку.

Несмотря на присутствие в подвале полицейского управления свыше ста полицейских и журналистов, не нашлось никого из бывших там в течение десяти минут, предшествовавших убийству Освальда, кто бы заметил, как Джэк Руби вошел в подвал. После рассматривания всех данных Комиссия пришла к заключению, что Руби проник в подвал без посторонней помощи, вероятнее всего, через выход пандуса на Мэйн-стрит и не ранее чем за три минуты до убийства Освальда.

Рассказ самого Руби представляет интерес в том отношении, что позволяет определить, каким именно образом он проник в подвал. Трое полицейских показали, что примерно через 30 минут после своего ареста Руби сказал им, что он прошел к входу с Мэйн-стрит из расположенной рядом телеграфной конторы Вестерн Юнион и спустился в подвал в тот момент, когда полицейский автомобиль, за рулем которого сидел лейтенант Пирс, выезжал на Мэйн-стрит.

На допросах в день ареста Руби отказался отвечать на вопрос о том, как он проник в подвал. Только в беседе с представителями печати 21 декабря и в данных под присягой показаниях после окончания своего процесса Руби повторил ту же версию, которую дал первоначально трем полицейским.

Комиссия имела возможность с точностью установить время некоторых событий, предшествовавших убийству Освальда. За несколько минут до появления Освальда в подвале Руби находился в конторе Вестерн Юнион, расположенной в том же самом квартале Мэйн-стрит, примерно в 350 футах от выхода пандуса на эту улицу. Время, указанное на штампе отправленного им денежного перевода и на найденной в его кармане расписке, свидетельствует о том, что денежный перевод был сдан им точно в 11 ч. 17 м. утра. Далее, есть свидетели, что Руби затем пошел в направлении здания полицейского управления. Заснятые до убийства Освальда видеоленты устанавливают, что автомобиль лейтенанта Пирса проехал сквозь мигу у входа в подвальное помещение за 55 секунд до стрельбы. На пленке виден также Руби, стоящий перед убийством Освальда в нижней части пандуса со стороны Мэйн-стрит. Убийство произошло примерно в 11 ч. 21 м. утра. Это время

было установлено по часам, висевшим в тюремной канцелярии в подвале и заснятым на кинолентах, по документам, указывающим время вывода Освальда из городской тюрьмы, и по записи, указывающей, когда для Освальда была вызвана машина «скорой помощи».

Пологий спуск с Мэйн-стрит был кратчайшим путем в подвал из конторы Вестерн Юнион. Нужно приблизительно одна минута, чтобы пройти нормальным шагом от этой конторы до спуска с Мэйн-стрит, и приблизительно 20—25 секунд, чтобы спуститься вниз. Поэтому не подлежит сомнению, что Руби вошел в подвал не раньше чем за две-три минуты до покушения на Освальда. Этот подсчет времени указывает, что нет данных о том, что делал Руби в течение двух с лишним минут из тех четырех, которые прошли с момента его выхода из конторы Вестерн Юнион до момента убийства.

Показания двух свидетелей частично подтверждают заявление Руби, что он вошел в подвал через въезд на Мэйн-стрит.

Хотя все эти показания в общем подтверждают версию Руби о том, что он вошел в подвал по въезду с Мэйн-стрит, существуют другие данные, не вполне совпадающие с рассказом Руби. Полицейский Вон заявил, что он провернул документы всех неизвестных лиц, желавших войти в подвал, и его показание было подтверждено рядом лиц. Вон отверг предположение, что выезд автомобиля из здания отвлек на время его внимание, что дало Руби возможность пройти незаметно в подвал; ни он и ни один из трех полицейских, бывших в автомобиле, не видели, как вошел Руби.

ПОЛИЦИЯ И ПРЕССА

Убийство Освальда потрясло далласскую полицию, и после нескольких заявлений, которые последовали немедленно за убийством, ее руководители были готовы соблюдать молчание. После убийства начальник полиции Керри выступил по телевидению только один раз. В 1 ч. 30 м. дня он спустился в подвальное помещение, где коротко и мрачно сообщил о смерти Освальда. Он отказался ответить хотя бы на один из вопросов, которые шумно и настойчиво задавали ему репортеры; вся пресс-конференция длилась меньше одной минуты.

Окружной прокурор Уэйд также провел одну пресс-конференцию в воскресенье вечером. Перед этим он еще раз заехал в полицейское управление, где провел совещание «со всем начальством», за исключением Керри. Уэйд сказал им, что «публика говорит... что вы арестовали не того человека и что вы все виноваты в его убийстве или что вы нарочно привезли его сюда, чтобы его здесь убили». Уэйд сказал полиции, что «кто-то должен выступить по телевидению и представить улики, доказывающие вину Освальда, и сказать все». Он сел и перечислил на память улики против Освальда. По словам Уэйда, начальник полиции Керри отказался сделать какое-либо заявление, потому что он сказал инспектору ФБР, что не будет больше выступать. Полиция отказалась снабдить Уэйда добавочными данными по этому делу.

Тем не менее Уэйд устроил в тот же вечер продолжительную официальную пресс-конференцию, во время которой сделал попытку перечислить все накопившиеся к тому времени улики, подтверждающие, что Освальд был убийцей президента Кеннеди. К сожалению, в то время, как он позже показал, он недостаточно знал материалы дела и сделал ряд ошибок. Он заявил, что Освальд сказал женщине в автобусе, что президент убит. Эта ошибка была, по-видимому, вызвана тем, что водитель автобуса спутал Освальда с другим пассажиром, который был в автобусе после того, как Освальд из него вышел. Уэйд также повторил ошибку, согласно которой Освальд имел карту с помеченным на ней маршрутом президентского кортежа. Он сказал репортерам, что описание Освальда и его фамилия «были переданы в полицейских сообщениях, когда начались его поиски». В действительности полиция ни разу не упомянула до самого ареста Ос-

вальда его фамилию в радиопередачах, описывающих его внешность.

ПРЕБЫВАНИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Покойный Ли Харви Освальд открыто придерживался марксистской идеологии, перебежал в Советский Союз в 1959 г. и проживал там вплоть до июня 1962 г., когда вернулся в Соединенные Штаты со своей русской женой Мариной. С целью произвести оценку слухов и предположений о том, что Освальд, возможно, был советским агентом, Комиссия расследовала обстоятельства, окружавшие пребывание Освальда в Советском Союзе. Комиссия этим выполняла свою обязанность, состоящую в расследовании всех фактов, могущих иметь возможное отношение к убийству президента, и не наводит этим расследованием на предположение, что вожди Советского Союза полагали, что убийство президента Кеннеди послужит их политическим интересам. По этому поводу государственный секретарь США сделал в Комиссии 10 июня 1964 г. следующее заявление: «Я не видел никаких доказательств, указывающих на то, что Советский Союз считал выгодным для себя устранение президента Кеннеди или был в какой-то мере замешан в устранении президента Кеннеди».

Я не видел и не слышал ни малейших доказательств того, что Советский Союз желал ликвидации президента Кеннеди или каким-нибудь образом принимал участие в этом событии.

Сейчас, когда я пытаюсь рассмотреть этот вопрос объективно, со стороны, то, несмотря на идеологические разногласия между нашими двумя великими державами, я не вижу, какую выгоду мог бы извлечь Советский Союз из подобной попытки...

Я также считаю, что, несмотря на то что между Хрущевым и Кеннеди были разногласия, в их отношениях, я думаю, проявлялось известное взаимное уважение, возникшее в результате некоторых пережитых ими обоими событий, как хороших, так и плохих.

Я думаю, что оба они сознавали тот факт, что любой Председатель Совета Министров Советского Союза и любой президент Соединенных Штатов неизбежно несет особого рода ответственность за всеобщий мир на Земле.

Поэтому решение советских вождей пойти на подобный шаг было бы не только опрометчивостью с их стороны, но и просто безумием: подобный шаг поставил бы решительно все под страшную угрозу.

У нас не создалось впечатления, что действия советского правительства за последние годы носили характер безумия».

Комиссия считает эту оценку положения, представленную государственным секретарем Раском, приемлемой и объективной. Комиссия также отдала себе отчет в крайней трудности в составлении точной оценки советских интересов или намерений. Поэтому Комиссия изучила все известные обстоятельства, связанные с отъездом Освальда, его пребыванием в Советском Союзе и возвращением в Соединенные Штаты. При рассмотрении каждого обстоятельства Комиссия пыталась установить, имеются ли какие-либо доказательства, указывающие на то, что советские органы оказали прямое и косвенное влияние на действия Освальда, приведшие к убийству президента Кеннеди.

ВЫЕЗД ОСВАЛЬДА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Хотя точно не установлено, какие именно причины побудили Освальда отправиться в Советский Союз, нет никаких доказательств того, что его к этому подстрекали советские агенты. Освальд, по-видимому, начал учить русский язык, будучи в армии, во время своего пребывания в Японии, продолжавшегося с перерывами, с августа 1957 г. до ноября 1958 г. Приехав в Москву в октябре 1959 г., он сообщил нескольким лицам, что обдумывал свой отъезд два года, из

чего можно заключить, что он принял это решение, будучи в Японии. Джордж Де Мореншильд, познакомившийся с Освальдом по его возвращении из Советского Союза, показал, что один раз Освальд подтвердил ему это, сказав: «Я познакомился в Японии с несколькими коммунистами, они меня взволновали и заинтересовали, и это была одна из причин, побудивших меня уехать в Советскую Россию; мне хотелось увидеть, что там делается». Это свидетельство, однако, не совсем совпадает с заявлениями, которые Освальд сделал двум американским журналистам в Москве вскоре после своего прибытия туда в 1959 г., а также другим лицам после своего возвращения в Соединенные Штаты в 1962 г. Хотя он подтверждал, что решил уехать еще в 1957 г., но в разговорах с этими лицами он настаивал, что вплоть до своего приезда в Советский Союз он «не встречал ни одного коммуниста» и что намерение перебежать возникло у него всецело на основании чтения и собственных мыслей. Он сообщил приблизительно то же самое своему брату в письме, которое написал ему из России, объясняя, почему он уехал. Какая из версий Освальда более соответствует истине, остается неизвестным.

Не имеется никаких доказательств того, что Освальд получил со стороны какую-либо финансовую помощь для своей поездки в Советский Союз. По прибытии в Москву Освальд сообщил газетной корреспонденстке Алине Мосби, что скопил для этой поездки 1500 дол. из жалованья, которое получал за свою службу в Корпусе морской пехоты.

Освальд свободно мог проделать весь путь, истратив менее 1000 дол. Пароходный билет из Нью-Орлеана в Гавр (Франция) стоил 200 дол. 75 цент.; проезд из Гавра в Лондон стоил ему около 20 дол.; билет на самолет из Лондона в Хельсинки, где он получил советскую визу, стоил 111 дол. 90 цент.; в Хельсинки он, вероятно, купил советские туристские талоны, оплачивающие стол и квартиру на 10 дней, за 300 дол.; железнодорожный билет из Хельсинки в Москву стоил ему около 44 дол.; в Москве, когда у него разошлись все талоны, он платил от 1 дол. 50 цент. до 3 дол. в день за комнату и очень мало за еду, а с 30 ноября 1959 г. он, по-видимому, совсем прекратил платить за отель. Судя по тому, что известно о привычках Освальда, можно судить, что он мог жить необычайно экономно, если бы для того убедительная причина, а у него, очевидно, было сильное желание поехать в Советский Союз.

Во время своего пребывания в Японии Освальд учил русский язык, возможно, с помощью одного из офицеров его части, который интересовался русским языком и иногда «говорил об этом» с Освальдом. В конце 1958 г. и начале 1959 г., когда Освальда перевели из Японии в Калифорнию, он очень много занимался сам. В феврале 1959 г. он держал экзамен по русскому языку, один из типовых экзаменов, принятых в армии, и получил оценку «плохо». Когда в октябре того же года он прибыл в Советский Союз, он едва объяснялся по-русски. В дневнике Освальда отмечено, что во время своего пребывания в Москве, в ожидании ответа на ходатайство о перемене гражданства, он практиковался в русском языке по 8 часов в день. После того как в начале января 1960 г. его послали в Минск, он брал уроки у переводчицы, приставленной к нему с этой целью советским правительством. По свидетельству Марины Освальд, к тому времени, как она с ним познакомилась в марте 1961 г., он говорил по-русски настолько свободно, что, судя по его произношению, она сначала предположила, что он откуда-нибудь из Прибалтики.

Таким образом, неполные данные, которыми располагает Комиссия, не дают возможности заключить, что советские агенты завербовали Освальда в Японии с целью побудить его сперва перебежать в Советский Союз, а затем вернуться в Соединенные Штаты. Более того, при ближайшем рассмотрении подобное предположение кажется совершенно невероятным. Если бы даже советские агенты установили с Освальдом связь еще в то время, как он служил в Корпусе морской пехоты, то они вряд ли дали бы ему указание перебежать. Если бы Освальд остался на службе в качестве специалиста по радару в Корпусе мор-

ской пехоты, он мог бы впоследствии стать ценным тайным агентом. Однако его бегство и связанные с ним направленные против Америки заявления закрыли для него возможность когда-либо получить доступ к государственным секретам Соединенных Штатов. Поэтому уже сам факт, что он перебежал, убедительно указывает на то, что он не был завербован в шпионы до своего бегства.

По этим данным государственного департамента и ЦРУ можно заключить, что Освальд получил визу быстрее обычного, однако в пределах случавшихся отклонений от нормы. То, что ему выдали визу незамедлительно, могло быть просто результатом того, что обычный летний наплыв туристов закончился. Это также может указывать на то, что Освальд с необычной настойчивостью требовал, чтобы ему немедленно выдали визу. 30 октября, когда Освальд явился в американское посольство в Москве, чтобы отказаться от американского гражданства, он сообщил сотрудникам посольства, что не говорил советским представителям о своем намерении перебежать до самого прибытия в Москву. Во всяком случае, в обстоятельствах приезда в Советский Союз Комиссия не обнаружила ничего, что указывало бы на то, что он уже тогда был советским агентом.

ПРИЕЗД В СССР И РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО

Освальд выехал из Москвы в Минск на жительство через два месяца и 22 дня после своего прибытия в Москву. Комиссия решила, что Освальду дали разрешение на постоянное жительство в Советском Союзе и с такой необычайной быстротой послали в Минск, потому что о его приезде было заранее известно или вследствие того, что он установил с советскими властями тайные сношения в первые же дни своего пребывания в Москве. При этом Комиссия пыталась восстановить события того времени, хотя, разумеется, было невозможно установить, что именно делал Освальд каждый день в течение этого периода.

«Исторический дневник» Освальда, который начинается с 16 октября 1959 г., т.е. с его прибытия в Москву, а также другие записи, сделанные им впоследствии, послужили одним из источников сведений о деятельности Освальда во время его пребывания в Советском Союзе. Даже если предположить, что этот дневник был написан с целью правдивого изложения событий, он не является отчетом о подробностях действий Освальда, на который можно было бы положиться. Освальд уделял мало внимания точности имен и дат и, по-видимому, вносил многие из записей в дневник спустя заметное время после описываемых событий. Марина Освальд показала, что, по ее мнению, ее муж начал вести дневник только по приезде в Минск, т.е. три месяца спустя после прибытия в Россию, а среди вещей Освальда были найдены разрозненные бумажки, содержащие почти те же самые сведения, которые записаны в дневнике, из чего можно заключить, что он переписывал этот материал в свой дневник впоследствии. Содержание записей Освальда было тщательно сопоставлено со всеми остальными имеющими отношение к делу данными, находящимися в распоряжении Комиссии. Вдобавок почерк этих записей, особенно стиль, грамматика и орфография, был сверен с бумагами, достоверно написанными рукой Освальда до или после этого периода. В итоге никаких указаний на то, что эти записи были сделаны или продиктованы кем-либо посторонним, не было обнаружено.

Из «Исторического дневника» явствует, что 16 октября 1959 г., в день приезда Освальда в Москву, он сообщил гиду Интуриста Римме Широковой о своем желании отказаться от американского гражданства и принять советское. По некоторым данным, Широкова в тот же день помогла Освальду составить письмо советским властям с ходатайством о получении гражданства. Однако в дневнике указывается, что 21 октября Освальда уведомили о том, что срок его

визы истекает и что ему придется покинуть Москву в течение двух часов. В дневнике упоминается, что за предыдущие дни с ним раз или два говорили советские чиновники. За это время КГБ, учреждение, несущее основную ответственность по проверке перебежцев в Советский Союз, несомненно тщательно расследовало прошлое Освальда. В 1959 г. почти все гиды Интуриста являлись осведомителями КГБ, и нет причин полагать, что гид Освальда составлял исключение.

Освальд пишет в дневнике, что, узнав, что его ходатайство о получении гражданства отклонено, он пытался покончить с собой. Если это правда, то из этого следует, что, во всяком случае, до 21 октября между Освальдом и советским правительством не существовало никаких тайных отношений. Существуют прямые, хотя и не неоспоримые доказательства того, что Освальд действительно пытался перерезать себе вены. Осмотр тела Освальда показал, что у него на левом запястье был такого рода шрам, какой мог бы быть результатом попытки самоубийства. Из записей медицинского архива московской Боткинской больницы, представленных Комиссии советским правительством, явствует, что с 21 по 28 октября он был там на излечении от нанесенной себе раны на левом запястье. Сведения, которые содержатся в этих записях, совпадают с данными, относящимися к шраму на запястье Освальда, обнаруженному при осмотре его тела, и со сведениями, полученными из других источников. Хотя ни один из свидетелей не мог вспомнить, чтобы Освальд упоминал о том, что пытался покончить самоубийством, Марина Освальд показала, что, когда она стала расспрашивать мужа о шраме на запястье, он «очень рассердился» и уклонился от ответа. Попытка самоубийства, настоящая или симулированная, а также нежелание упоминать об этой попытке представляются совместимыми с характером Освальда. Многие из свидетелей, давших Комиссии показания, отметили, что Освальд был скрытным, недобрым человеком, что у него была склонность к заносчивости и что он не принадлежал к тем, кто легко признается в своих слабостях.

Освальд явился в американское посольство в Москве 31 октября 1959 г., через три дня после того, как выписался из Боткинской больницы. В своих разговорах с сотрудниками посольства он ни слова не упомянул о том, что ему недавно была оказана медицинская помощь. Американское правительство впервые узнало о том, что Освальд находится в России, при этом его посещении, так как он не уведомил посольство о своем приезде, как это делали в то время большинство американских туристов.

В посольство Освальд заявил, что желает отказаться от гражданства США, но консул, с которым он разговаривал, отказался в то время оформить этот отказ, предложив ему прийти еще раз, чтобы заполнить необходимые анкеты. Однако Освальд вручил консулу свой паспорт и написанное от руки заявление, в котором просил, чтобы его американское гражданство было «отменено», и подтверждал свою «лояльность» к СССР.

При своих посещениях посольства, а также впоследствии в разговоре с одной американской журналисткой Освальд проявил знакомство с аргументацией коммунистической идеологии, из чего его собеседники заключили, что он, возможно, прошел специальную обработку под руководством советских властей. Осведомленность Освальда о законах, касающихся отказа от гражданства, отмеченная обоими должностными лицами посольства, также может быть истолкована как признак того, что он был проинструктирован советскими властями. Однако известно, что Освальд много и жадно читал, и есть данные, что он читал коммунистическую литературу, служа в Корпусе морской пехоты и раньше этого, без чье-либо руководства. По прибытии в Москву Освальд, по всей вероятности, вел дискуссии как со своим гидом из Интуриста, так и с другими лицами, но никому из американцев, с которыми он разговаривал в Москве, тогда не казалось, что в его высказываниях несомненно обнаруживались признаки какого-то систематического инструктажа. В «Историческом

дневнике» говорится, что Освальд не сказал своему гиду о намерении посетить посольство, так как боялся, что она этого не одобрит. Хотя на Снайпера Освальд произвел впечатление «умного человека, высказывания которого и манеры выражаться к будто находились на уровне его умственного развития», у американской корреспондентки Прициллы Джонсон, которая провела около 5 часов в разговорах с Освальдом, создалось гораздо менее благоприятное впечатление: «Ему нравилось производить впечатление человека, склонного к беседам на отвлеченные темы, способного вести подобные споры и живо ими интересоваться. На самом деле он был похож на резиновый шар, из которого легко выпустить воздух. У меня было ощущение, что если с ним на самом деле завязать спор, то очень быстро обнаружится, что он неспособен поддержать логично обоснованный спор на отвлеченную тему, касающуюся экономики, политики или философии».

ЖИЗНЬ ОСВАЛЬДА В МИНСКЕ

По данным, содержащимся в «Историческом дневнике» и в документах, полученных от советского правительства, Освальд жил в городе Минске с января 1960 г. по июнь 1962 г. Жизнь Освальда в Минске является тем периодом его жизни, о котором имеется меньше всего сведений.

Как только Освальду дали разрешение остаться в Советском Союзе на жительство в качестве иностранца, ему были предоставлены значительные привилегии, которыми не пользуются обыкновенные советские граждане, находящиеся на одной с Освальдом ступени общественного положения. «Исторический дневник» гласит, что, когда Освальда уведомили о том, что он может остаться в Советском Союзе и что его посылают в Минск, ему выдали 5000 рублей «на расходы». Он уплатил 2200 рублей по счету в гостинице и 150 рублей за железнодорожный билет. С оставшейся у него суммой — немного свыше 2500 рублей — Освальд, по свидетельству дневника, чувствовал себя богачом. Освальд не получил бесплатной квартиры, как ему обещал, согласно дневнику, «мэр» Минска; однако спустя шесть недель он получил квартиру, по советским масштабам очень недурную, за которую ему приходилось платить всего 60 рублей в месяц. Освальд считал, что квартира эта «почти что бесплатная». Освальду дали работу на Белорусском радио-телевизионном заводе, где он зарабатывал от 700 до 900 рублей в месяц при сдельной оплате труда. По свидетельству его жены, это был средний заработок для людей его квалификации, но по советским масштабам вообще такой заработок был невысоким.

Особый интерес Комиссии вызвало то, что Освальд, находясь в Советском Союзе, состоял в охотничьем клубе. Один русский эмигрант показал, что это является подозрительным обстоятельством, так как в Советском Союзе никому не разрешается иметь ружье для спортивных целей. Однако произведенное Комиссией расследование установило, что это не так. ЦРУ сообщило Комиссии, что охотничьи кружки, подобные тому, к которому принадлежал Освальд, весьма популярны в Советском Союзе. Многие из таких кружков специально организуются заводами для своих рабочих и служащих. Кроме того, советским гражданам (так же как и иностранцам, проживающим в Советском Союзе) разрешается иметь охотничье ружье, но не винтовку, даже не будучи членом такого общества; для этого требуется только немедленно по приобретении зарегистрировать ружье в местном отделении милиции. Эксперты из ЦРУ, изучив членское удостоверение Освальда и разрешение на ружье, выразили мнение, что форма и номера этих документов согласуются с другими сведениями о Советском Союзе, находящимися в распоряжении ЦРУ.

Марина Освальд показала, что за время их замужества Освальд ходил на охоту только один раз. Однако он, по-видимому, вступил в Белорусское об-

щество охоты и рыболовства летом 1960 г., а женился только 30 апреля 1961 г. Поэтому возможно, что занимался он этим спортом более активно, будучи холостяком. Освальд несколько не скрывал того, что был членом охотничьего кружка. Он иногда упоминал об этом в разговорах с друзьями по возвращении в Соединенные Штаты: довольно пространно рассказывал об этом в своем выступлении в иезуитской семинарии в Мобиле, штат Алабама, летом 1962 г.; писал об этом своему брату Роберту и хранил свое членское удостоверение и разрешение на ружье до своего последнего дня. Ввиду всего этого представляется маловероятным, чтобы членство Освальда в охотничьем кружке было подстроено с целью замаскировать какую-то его тайную подготовку. Кроме того, ЦРУ уведомило Комиссию о том, что оно располагает довольно обширными сведениями о местонахождении засекреченных советских центров подготовки агентов и что, по его сведениям, подобного центра не существовало ни в Минске, ни в его окрестностях в то время, когда там находился Освальд.

Женитьба Освальда на Марине Прусак-Освальд, состоявшаяся 30 апреля 1961 г., является сама по себе заслуживающим внимания фактом. Иностранец, проживающий в России, не может жениться без разрешения советских властей. Кажется маловероятным, что советское правительство разрешило бы Освальду жениться и взять жену с собой в Соединенные Штаты, если бы собиралось использовать самого Освальда в качестве агента.

ОТЪЕЗД ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

13 февраля 1961 г. американское посольство в Москве получило от Освальда письмо с просьбой разрешить ему вернуться в Соединенные Штаты. Это письмо было первым известием, полученным посольством от Освальда (или об Освальде) с 16 ноября 1959 г.

Письмо Освальда написано, по-видимому, без желания снискать к себе расположение должностных лиц посольства. Освальд начинает с измышления о предыдущем якобы написанном им письме, на которое он не получил ответа, и заявляет, что вернется в Соединенные Штаты только в том случае, если сможет сначала «договориться», что против него не будет возбуждено судебного расследования, и кончает напоминанием о том, что посольство обязано сделать все возможное для того, чтобы ему помочь, так как он — американский гражданин.

... Освальдам пришлось ждать разрешения советского правительства на выезд из страны по меньшей мере пять с половиной месяцев, приблизительно с 15 июля 1961 г. до конца декабря. На просьбу сообщить свои соображения относительно якобы слишком скорого решения вопроса об отъезде Освальдов государственный департамент ответил Комиссии следующее: «...В послевоенные годы имело место около пятнадцати случаев, когда жены американцев много лет ждали разрешения на выезд из Советского Союза. После смерти Сталина советское правительство проявило намерение урегулировать эти дела. Летом 1953 г. всей этой группе советских граждан было разрешено сопровождать своих мужей, американских граждан, в Соединенные Штаты».

С тех пор как этой группе разрешили уехать из СССР, время от времени в Советском Союзе стали заключаться браки между американскими и советскими гражданами. Насколько нам известно, всем этим советским гражданам, за исключением одного случая, было разрешено эмигрировать в Соединенные Штаты после периода ожидания, который в одних случаях тянулся от трех до шести месяцев, а в других — гораздо дольше».

(Продолжение следует.)

Сегодня мы все с тревогой и озабоченностью говорим о кризисных и болезненных явлениях в молодежной среде. Частично этому открытию способствовала гласность, открывшая многим глаза. Но я уверен, что социологи, владеющие не фиктивными данными, а достоверным материалом, уже давно вынуждены признать, что преступность, апатия, цинизм, погоня за острыми ощущениями нагнетаются в угрожающем темпе.

Как бы ни оценивали нашумевший фильм «Легко ли быть молодым?», надо согласиться, что он правдиво отразил симптомы молодежного неблагополучия, хотя и не претендовал осветить все его аспекты.

Нередко можно слышать голоса, упрекающие во всем перестройку и демократизацию. Более того, враги обновления черпают в уголовной хронике главные заряды для своей «тяжелой артиллерии».

Но подобная постановка вопроса смахивает на страусовую политику. Ведь скальпель гласности неизбежно должен был вскрыть многие нарывы, которые до сих пор лишь стыдливо припудривали. Любому хирургу знает, что процесс вскрытия нарыва дает отнюдь не приятную картину, так же как и весна, которая подчас освобождает из-под снега все, что было скрыто белой пеленой.

Важнейшая цель этой социальной операции в нашем обществе уже не раз была сформулирована. Ее можно выразить вопросом: «Как мы дошли до жизни такой?»

Вот откуда сегодня пристальное внимание к сталинщине, к тому, что ее породило и что сама она произвела на свет. Это отнюдь не политический мазохизм, не желание «копаться в нашем темном прошлом» и не желание «свалить все на Сталина». Без такого, пусть мучительного, анализа мы никогда не найдем ответов на актуальные вопросы. Именно тут с наибольшей очевидностью актуально правило: «Нельзя понять сегодняшнего дня без понимания дней минувших».

Спору нет, еще XX съезд и смелый шаг Н. Хрущева вызвали среди молодежи определенное смущение и растерянность. Крушение кумира повлекло за собой кризис той «идейности», искренней, а подчас лицемерной, на которую опиралась Административная Система. Но виноват в этом был не Хрущев, а те, кто годами насаждал культ кумира, воспитывал людей верноподданными слугами «Дракона», называя это «советским патриотизмом».

Шарль Бодлер писал когда-то о «цветах зла». Теперь мы видим не цветочки, а ягоды, неизбежные «плоды зла». Плоды тех ядовитых сорняков, которые были посеяны несколько десятилетий назад.

Они не могли взрывать в один день.

Но в конце концов этот день пришел. Однако пришел не только он. Одновременно звучал призыв к покаянию, призыв к переосенке и пересмотру всего...

Хочется верить, что консилиум собрался к больному вовремя, что врачи не опоздали. Важно, чтобы они, не откладывая, искали причины недугов, чтобы нашли действенные способы их лечения.

Я же хочу наметить лишь три темы для общего обсуждения.

Первое. Я уверен, что рост преступности происходит не от слабости правоохранительных органов, хотя и к ним предъявляют немало обоснованных претензий. Даже если увеличить вдвое состав работников МВД, усовершенствовать методы следствия, судопроизводства, ужесточить законы, коренная причина преступности не будет устранена. Не уничтожит ее и повышение жизненного уровня (все знают, что часто правонарушители — дети из обеспеченных семей).

Для человека недостаточно «читать уголовный кодекс». Если в нем самом не будет жить и развиваться дух человечности, он рано или поздно станет «потребителем», циником, обывателем, сделает своим символом веры шкурнические интересы. А от этого до преступления — один шаг. Если нравственные основы жизни — иллюзия, условность, то страх перед наказанием едва ли сможет стать надежной плотной от волн человеческого зла. Вот почему для отца Брауна, героя детективных рассказов Г. К. Честертона, было важно не столько разоблачить преступника, поймать его, сколько пробудить в нем совесть.

Мы, христиане, убеждены, что борьба добра и зла происходит во внутреннем мире людей и лишь потом проецируется в общественные деяния. Мы убеждены, что нравственность — не условная концепция, изобретенная той или иной эпохой, а объективный закон, данный человеку свыше, как отражение воли Творца. Дар этот дан нам не в готовом виде, а требует развития и углубления, требует «культивирования».

Этой цели и служат религиозные традиции.

Мне возражат, что подобный подход уместен для верующих. Согласен. Но ведь верующие составляют значительный процент нашего общества. Не следует забывать об этом существенном факте.

Между тем верующие уже несколько поколений не про-

МОЛОДЕЖЬ И ИДЕАЛЫ

Протоиерей Александр МЕНЬ

Автор этих заметок протоиерей Александр МЕНЬ (литературные псевдонимы Андрей Боголюбов и Эммануил Светлов) родился в 1935 году в Москве. В студенческие годы учился в московских и сибирских вузах, изучал биологию. Церковнослужителем стал в 1958 году и с тех пор является приходским священником ряда подмосковных храмов. Окончил Ленинградскую семинарию и Московскую духовную академию. Имеет ученую степень кандидата богословия.

Активной литературной деятельностью занимается с 1958 года, публикует статьи в «Журнале Московской Патриархии» и в церковных журналах Болгарии и ГДР. Автор ряда богословских книг: «Сын Человеческий» (1969), «Истоки религии» (1970), «Таинство, слово и образ» (1980), «Как читать Библию» (1981).

сто третирировались и подвергались давлению, но и внутри своих общин были лишены возможности развивать свою духовную и нравственную культуру. Остается печальным парадоксом, что большинство рядовых членов общин утратили представление о многих религиозно-нравственных принципах своей религии.

Такое положение дел насаждалось и поддерживалось едва ли не сознательно, а просвещенные и активные верующие рассматривались как подрывной элемент. Их толкали на путь диссидентства, клеймили как отщепенцев. О каком позитивном влиянии на общество можно было говорить в такой обстановке?..

Если говорить о людях нерелигиозных и атеистах, то, мне кажется, для них пришла пора более объективно оценить этические основы религий. Не отбрасывать их как «предвзвешенные» и «пережиток». Более того, евангельское учение об абсолютной ценности личности и долге милосердия должно сегодня привлекать новое, благожелательное внимание со стороны тех, кто озабочен нравственным состоянием общества.

Второе. Сталинизм вырастил поколение конформистов,

панически боящихся иметь собственное мнение. Он играл на полубиологическом инстинкте «подчинения вождю», на психологии холопа, жаждающего Хозяина, твердой руки. Эта психология далеко не изжитая. Процесс «выдавливания из себя раба» происходит медленно. Он длится уже треть столетия.

Молодежь глубоко разочарована в эффективности честной гражданской позиции, в целесообразности борьбы за справедливость. Отсюда — ее равнодушие к общественным вопросам, довольно распространенная тенденция укрываться от них. Снижение подлинно гражданской активности (я, конечно, имею в виду не цепкий карьеризм) — вторая причина преступности.

Социальная энергия юноши или девушки, не имея здорового применения, нередко направляется по каналам, ведущим к правонарушениям.

Создаются замкнутые паразитические «псевдообщества» со своими законами, которые больше влияют на сознание причастных к ним людей, чем общечеловеческие и гражданские принципы. Мелкая мафиозность, зарождающаяся иногда уже в школе, нередко подменяет радикализм, свойственный молодежи.

Наши хиппи и им подобные группировки обязаны своим возникновением не пресыщенностью благами цивилизации, а недоверием к общественной жизни.

Следовательно, начинать надо не с молодежи, а со старшего поколения. Именно оно должно возродить в себе чувство гражданской ответственности и только тогда будет вправе спрашивать с молодых...

И последнее. Мне кажется, все уже устали от заклинаний такого рода, как «мы самая грамотная страна в мире», «самая читающая» и т. д. В этом, конечно, есть доля правды. Литература играет у нас роль, по-видимому, большую, чем на Западе, где иные семьи вообще обходятся без книг и довольствуются газетно-журнальным чтением. Но почитать на лаврах опасно. В прессе все чаще появляются сигналы о плачевном состоянии библиотек, музеев, памятников. Короле, забота о культуре рассматривается большинством чиновников как некая роскошь.

Однако это, с позволения сказать, упущение болезненно бьет по всему обществу.

Сейчас, кажется, все это начинают понимать всерьез.

Появляются дискуссионные клубы, неформальные объединения, группы по защите и реставрации памятников. Однако пользы от них будет мало, если движения не станут направлять опытные, талантливые люди, любящие молодежь, осознающие важность дела. И они крайне нуждаются в поддержке. Да что в поддержке! Как минимум, им хотя бы не следовало мешать.

Давным-давно, еще 28 веков назад, библейский пророк Амос заговорил о духовном голоде, который некогда будет терзать мир. Если голод физический разрушает тело людей, то голод духовный — их душу. Он создает вакуум в том нематериальном ядре человека, которое отличает его от животного. А, как говорится, «природа не терпит пустоты». И вот в эту опустошенную душу вторгаются полчища врагов: наркомания, алкоголизм, всевозможные формы «балдения» среди молодежи. Таков горький результат бездуховности.

Религиозные общины нашей страны могли бы внести определенный вклад в возрождение духовных ценностей.

Пусть у нас нет пока опыта. Но мы не должны стыдиться заимствовать опыт из нашего прошлого и у наших зарубежных собратьев по вере. Неформальные движения религиозной молодежи — дело будущего. Но это вещь вполне реальная и конституционная. Если, повторяю, она будет не анархической, а связанной с фундаментальными принципами церкви и религии, она не повредит обществу в целом, а будет только способствовать его оздоровлению.

Когда я писал эти заметки и поделился их идеями с одним нерелигиозным человеком, он сказал: «Вы касаетесь тем, которые у нас принято называть «негативными». А не задумывались ли вы: «Почему Бог, если он благо, не остановил всех ужасов нашего столетия?»

В ответ я напомнил ему роман Герберта Уэллса «Джон и Питер». Уэллс не был христианином, но подчас высказывал мысли, близкие к христианству.

Герой романа спрашивает Бога о том же: почему в мире так много зла?

— А что? Вам, людям, это не нравится? — спросил Бог.

— Конечно, нет.

— Тогда измените все это, — был ответ.

И в самом деле, человечеству даны идеалы жизни, которые вдохновляли Паскаля и Достоевского, Андрея Рублева и Сергея Радонежского, доктора Гааза и мать Марию. При этом людям было сказано, что отход от идеалов ввергнет мир в хаос.

Стоит ли нам пассивно ждать нового всемирного потопа, или мы все же придем в себя и вернемся на путь разума, творчества, любви?..

ПОКУШЕНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ

Несколько лет назад на одного из высших чиновников МАГАТЭ было совершено изощренное покушение: контейнер с радиоактивным веществом злоумышленники подложили под сиденье автомобиля. Из сообщений печати было не вполне ясно, как он обнаружил бомбу замедленного действия, впрочем, профессионал есть профессионал. Если бы преступление было не раскрыто, то сотрудник МАГАТЭ умер бы из-за поражения костного мозга или внутренних кровоизлияний через пять-шесть недель. Боюсь, что судебно-медицинская экспертиза не сумела бы выяснить истинную причину смерти.

Сейчас, после Чернобыльской катастрофы, весь мир раскололся надвое: одни категорически возражают против дальнейшего использования «мирного атома», другие же считают риск оправданным. Однако речь пойдет не о последствиях ядерных

взрывов, не о профессиональном риске облучения, а о радиации в нашей повседневной жизни.

«...Первые и последние этажи не предлагать». Такую приписку можно часто видеть в объявлениях об обмене квартир. Конечно, чаще всего причина обмена иная, нежели боязнь повышенного уровня внешнего облучения. Но если исходить из этого, то последний этаж предпочтительнее — вклад космических лучей в годовую дозу облучения скромнее, чем природных земных источников радиации. По данным ООН, во Франции, ФРГ, Италии, Японии и США 95 процентов населения живет там, где доза «земного» облучения — на уровне фона, 3 процента получают вдвое, 1,5 — втрое большую дозу. А в Бразилии есть курортный городок Гуарапари, где на пляжах уровень радиации в 50 раз выше фона. Кстати, повышенную дозу облучения получают пациенты радоновых санато-

риев. Для них, вероятно, это полезно, чего не скажешь о сотрудниках лечебных учреждений и постоянных жителях курортов.

По мнению специалистов ООН, особо опасны в жилищном строительстве некоторые глиноземы, кальций-силикатный шлак и фосфо-гипс, которые идут на изготовление бетона и сухой штукатурки. По японским данным, жильцы домов, оштукатуренных таким способом, получают на 30 процентов большую дозу радиации. Простейший способ снизить уровень облучения в собственном доме — покрасить стены одним слоем краски на эпоксидной основе или тремя слоями простой масляной краски либо на худой конец оклеить стены обоями.

Толику радиации мы получаем и с продуктами питания. Причем в наиболее невыгодном положении здесь народы Севера, традиционно питающиеся мясом карибу, и австралийские аборигены, предпочитающие мясо кенгуру и труху местных

овец. Дело в том, что эти животные питаются растительностью, избирательно накапливающей свинец-210 и полоний-210.

Впрочем, не спешите обменивать квартиру и отказываться от оленьего антрекота, ибо есть еще один источник облучения, ответственный за 95 процентов годовой дозы от искусственных источников радиации (включая АЭС) и примерно пятую часть радиации от всех источников (и природных, и искусственных). С ним в нашей стране знакомы все от мала до велика.

Да, речь идет о флюорографии. Врачи интересовали наши легкие, но дозу облучения получили ваши плечи, руки, верхняя доля печени, щитовидная железа... Это у мужчин. У женщин и девушек, увы, получили свое и молочные железы. Практически все наши соотечественники принудительно облучаются во флюорографическом кабинете ежегодно.

Эпидемия туберкулеза, слава богу, осталась только в книгах

да в местах не столь отдаленных. Раньше же обнаружение рака легких почти не увеличивает шансов на выживание пациентов. Сейчас в большинстве развитых стран Западной частота флюорографических обследований существенно снизилась, а в слаборазвитых странах Азии, Африки и Латинской Америки она, наоборот, находится на уровне СССР.

Судите сами, не напоминает ли вам все это покушение, с которого я начал рассказ? Мы легко миримся с гораздо большими факторами риска, выкуривая пачку сигарет в день или садясь за руль автомобиля. Но как пишут специалисты ООН: «...свобода рисковать собственной жизнью и здоровьем является неотъемлемым элементом личной свободы, свобода принуждать к такому риску других людей есть покушение на личную свободу». К этому трудно что-либо добавить.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ, кандидат биологических наук

Мы-гему

со станции „Зoo“

Трагедия молодых наркоманов ФРГ, представленная на примере 16-летней девушки, которая с предельной откровенностью описывает свои переживания, связанные с потреблением наркотиков.

Christiane F.
Wir Kinder vom
Bahnhof Zoo

Ein Stern Buch

История возникновения книги

Мы встретили Кристиану Ф. в Берлине в 1978 г. Ей тогда было 15 лет, и она проходила свидетельницей по одному судебному делу. Мы договорились с ней насчет интервью, которое должно было дополнить наше расследование ситуации с подростками. Мы предполагали, что разговор займет часа два. Наша беседа длилась два месяца. Из интервьюеров мы превратились в потрясенных слушателей. Из магнитофонных записей сложилась эта книга. Мы сочли, что история Кристианы сообщает о положении подростков больше, чем могло бы дать в результате самое тщательное расследование. Кристиана хотела, чтобы эта книга увидела свет, поскольку она, как

почти все, кто колется, испытывает потребность нарушить стыдливое молчание взрослых о наркомании подростков. Все, кто оставался в живых из ее компании, и родители поддержали этот замысел. Они были готовы опубликовать подлинные фамилии и фотографии, что подтвердило бы документальный характер книги. Учитывая интересы родственников, мы ограничились лишь именами.

Протоколы с записями высказываний матери и других взрослых, контактировавших с Кристианой по долгу службы, должны помочь глубже проанализировать проблему потребления героина детьми и подростками и наметить нетривиальные пути ее решения.

Кай ГЕРМАНН и Хорст РИК

Сегодня ей шестнадцать. В двенадцать лет она начала курить гашиш в евангелическом клубе для подростков, в тринадцать — попробовала героин в дискотеке. Она привыкла к наркотикам. По утрам она отправлялась в школу, а по вечерам со своими друзьями — тоже наркоманами — на детскую панель станции «Зoo», чтобы раздобыть денег для покупки героина. Ее мать почти два года не замечала, что дочь ведет двойную жизнь. Кристиана Ф., обладающая феноменальной памятью, с абсолютной откровенностью рассказывает о судьбах детей, которые становятся известными только после их смерти от наркотиков. История Кристианы Ф. уже тысячекратно повторилась в Берлине, в маленьких городах и деревнях.

Бэрбель В., 21 год, в почасовой гостинице «Айзенах». «Я начала глотать в 13. «Клеить» — все-таки жутко противно, но для девочек это единственный способ доставать деньги на наркотики. Если хочешь с этим покончить, нужно знать, чего ради. А я не знаю».

Лутц Ф., Люфо, умер 25.1.1978 г. Он принадлежал к компании Кристианы в дискотеке «Саунд» и импонировал ей тем, что поначалу колется только по субботам и воскресеньям.

Карин С., 17 лет, перед туалетом на Бюлов-Боген — место, где встречаются наркоманы. «Начала в 13. Когда мать узнала, она донесла на меня в полицию. Она думала, что в тюрьме я перестану колоться. А там героина навалом. Если начинать так рано, как я, шансов завязать практически нет».

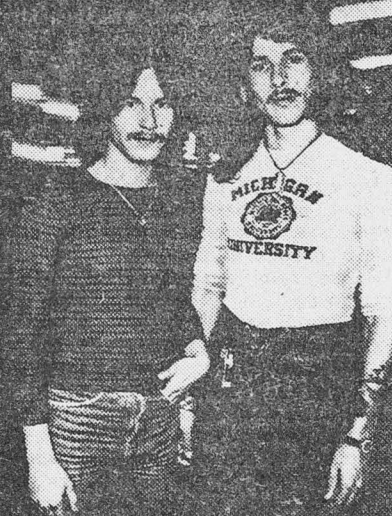
Руди Х., 17 лет, и Дирк Л., 18 лет, на панели у станции «Зoo». Руди говорит: «Я колось три месяца и должен клеить. Я хотел что-то сделать из моей жизни. Теперь уж не получится». Дирк колет героин два года: «Один раз я уже завязал, и у меня была работа, но шеф узнал насчет моего прошлого и вышвырнул меня».

Бабетта Д., Бабзи, умерла 19.7.1977 г. Она была лучшей подругой Кристианы. Падчерица знаменитого пианиста, она была первой жертвой героина, погибшей так рано — в 14 лет.

Вернер Х., 21 год, Михаэль С., 21 год, на станции метро «Курфюрстендамм», берлинской тусовке наркоманов.

Вернер Х.: «Я начал колоться в 16. Три года отсидел за героин. А потом опекуну и терапевту было не до меня. Единственно, кого знаю, людей с героиневой тусовки. А туда как прйдешь — снова колись. У меня шансов нет, я слишком влип».

Михаэль С.: «Я начал в 15. Но я еще не теряю надежду. Мне бы только заинтересоваться чем-нибудь, за что-нибудь уцепиться, поверить во что-нибудь, тогда я, быть может, и завязал».

Ливия С. Начала колоться в 15 и умерла в восемнадцать в публичном туалете на Ганза-Плац. В сумке мертвой девушки было найдено письмо в службу социальной помощи с просьбой положить ее на излечение: «Я еще раз от всей души прошу об этом, поскольку каждый лишний день ожидания, так сказать, будет стоить мне жизни. Прошу вас, помогите мне снова стать здоровым, работоспособным человеком».

От редакции:

Этот спокойный девичий голос из бездны беспощадно повествует обо всем: об омерзительных сценах между родителями, о безуспешных попытках найти экологическую нишу во дворе и в школе, о невыносимой, хотя и не всегда осознанной, муке абсолютного одиночества, о жестоких унижениях, побоях и о еще более жестоком равнодушии со стороны взрослых, об отвращении к вульгарной брутальности и жажде внимания — настолько сильной, что ради нее подростки готовы на смерть, о поисках контактов с ровесниками, о начале конца и обо всех ступенях нисхождения: молодежный евангелический клуб, где отраву курят, дискотека, где ее глотают и нюхают, общественные туалеты и загроможденные квартиры, где ее колот. Мелкое воровство, постоянная ложь, двойная жизнь, наркотический голод, случайная, а потом постоянная работа на «детской панели» — сексуальное обслуживание клиентов с извращенными вкусами,

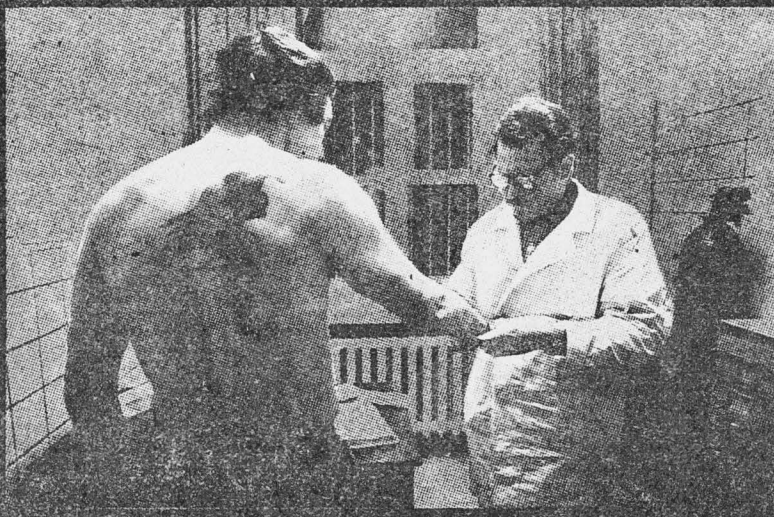
как местных, так и приезжих из экзотических стран, абсолютный духовный вакуум, абсолютная индифферентность обтекающего этих детей людского потока, неутолимая жажда заботы и нежности, ночные припадки ужасов, рвота, короста, зуд, тошнотворные запахи, безысходный страх смерти, тщетные попытки «завязать»...

Самое удивительное в книге — это лица жертв. Дети из окружения Кристианы презирают насилие и агрессию, презирают толстокожесть нечувствительных к чужому горю взрослых, утверждают себя в праве заботиться друг о друге. До самой смерти. До конца. Невостребованные души, таланты, невостребованный артистизм, невостребованный интеллект — настолько хрупкие и драгоценные, что, будучи умерщвлены, уничтожены ради превращения в измеряемые деньгами удовольствия извращенцев, приносят феноменаль-

ные доходы наркобизнесу.

Во всяком случае, из признаний Кристианы следует, что каждый шаг этих детей заранее известен тем, кто наживается на их одиночестве: услужливые «дилеры» с товаром подстерегают их на точно рассчитанных расстояниях, в точно определенное время дня, в заранее известный (из школьного расписания) день недели, в заранее снятом и заранее оборудованном помещении, где их не будет беспокоить заранее оплаченная полиция, выполняющая инструкции коррумпированного магистрата.

Книга издана десять лет назад. Жива она или умерла, эта феноменальная Кристиана, с ее потрясающей наблюдательностью и самокритичностью, с ее незаурядным интеллектом и трогательной преданностью своему товарищу по несчастью? Удалось ли ей выбраться из бездны? Вряд ли.

— У нас в стране 130 тысяч больных наркоманией, стоящих на учете, и, очевидно, в несколько раз больше тех, кто скрывает это свое страшное влечение. Как же обеспечить всех их врачебным контролем, где взять средства на их лечение, да и врачей-наркологов у нас столько нет...

— Не будет никакого эффекта от лечения в диспансере, если не будет ресоциализации, возвращения наркомана к нормальной жизни. Сегодня человек, прошедший курс лечения, не получает поддержки от общества, а иногда просто отторгается им. Общественное мнение неверно сориентировано — даже в прессе

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Недуг века — наркомания — в нашей стране это сегодня одна из сложнейших проблем, с которой призваны бороться как правоохранительные органы, так и органы здравоохранения.

— А есть ли у нас общесоюзная программа по борьбе с наркоманией? — с таким вопросом корреспондент «Совершенно секретно» обратился к научным сотрудникам ВНИИ Прокуратуры СССР Т. Боголюбовой и К. Толпекину.

— Нет, такая программа, к сожалению, пока не создана, — ответили ученые. — И нас это очень беспокоит. А между тем без такой научно обоснованной программы трудно выделить главные направления эффективной борьбы с этим злом: лечение, ресоциализация или наказание? Борьба с наркоманией требует глубоких исследований — у нас же отсутствуют элементарные данные, их до недавнего времени просто никто по-настоящему не собирал. Нет демографических показателей наркомании, не знакомы мы с ситуацией в среде наркоманов, их психологией.

— Но есть ведь закон, есть Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 года, в котором все расписано...

Есть-то он есть, но сами работники правоохранительных органов считают его серьезным препятствием в борьбе с наркоманией, ссылаясь на его несовершенство. Им не нравится, что закон допустил возможность уклониться от уголовной ответственности за добровольную выдачу наркотических средств и добровольное обращение за медицинской помощью. А следовало бы учитывать, что есть случаи, когда при задержании лиц, имеющих при себе наркотики, работники милиции вместе с препаратами находили заявление о добровольной сдаче наркотиков в органы внутренних дел. Такой закон, по их мнению, дает послабление наркоманам и не способствует эффективности в борьбе с этим злом.

Мы же считаем, что это принципиально новое положение, когда впервые проявлено гуманное отношение к потребителю наркотиков. Хотя это, конечно, только первый шаг. Надо, на наш взгляд, декриминализировать потребление наркотиков, если установлен диагноз «наркомания», человека в этом случае надо прежде всего лечить.

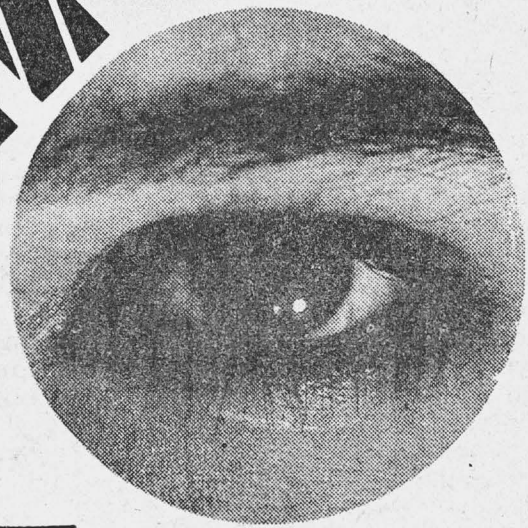
очень много публикаций, показывающих наркоманов страшными людьми, преступниками. Все это возбуждает к ним не только ненависть, но и страх.

— И в то же время мы ратуем за гуманизацию нашего общества...

— Вот именно поэтому надо еще переубедить людей, и здесь свою роль должны сыграть не только государственные органы, но и различные общественные фонды — детский, милосердия, благотворительные организации. Не исключено, что и кооперативы, и различные вновь создаваемые совместные фирмы могли бы помочь занять потерявших себя, дать им цель в жизни, работу. Короче говоря, если мы признаем, что наркомания — это наша общая беда, то и программа борьбы с ней должна стать национальной.

КЛУБ
РЕПОРТЕРА

Евгений ДОДОЛЕВ
Элина НИКОЛАЕВА

Нужен ли ведущему телепрограммы «Взгляд» пистолет?

— Не помешал бы,— считает Александр Любимов.

Впрочем, иногда впору иметь и более серьезные, нежели тупой свинец, аргументы доказательства своей правоты.

...Версия была такова: сочинские цеховики против местных кооператоров. Цеховики «подкармливают»... Хотя версия — не доказана.

Председатель горисполкома Казанков пытался выгнать кооператоров из города. «Взгляд» снимал мини-митинг кооператоров, но в кадре неожиданно появился чиновник на площади перед исполкомом. На экране зрители видели, как Казанков отталкивал корреспондента, по-трамвайному выяснял отношения.

После показа материала по ЦТ началось. Группу стали «обрабатывать». Самая настоящая слежка (машины «на хвосте»), предложения «встретиться с местной политической инфраструктурой», категоричные отказы железнодорожных и авиакасс — билетов на Москву для членов съемочной группы нет! В принципе телевидение имеет бронь, но, куда бы Любимов ни обращался, только называл свою фамилию, говорили: помочь не можем.

Была провокация против режиссера. Телевизионщикам исподволь внушали: не стоит работать над чем-либо, кроме «Красной гвоздики», приехали-де снимать фестиваль — не суйтесь не в свое дело.

Была загвоздка с отправкой компромат-кассеты. Вывезти ее должен был человек «незасвеченный». Все кончилось хорошо — удалось купить билет прямо в аэропорту, куда он приехал инкогнито. А Любимов отвлекал в это время слежку на себя.

Позднее появилась статья в «Правде», в которой сердито повествовалось о «хулиганстве» телерепортеров.

— В этом случае, увы, «Правду» нужно, наверное, взять в двойные кавычки. Материал «Пена на берегу» на девять десятых — неправда, — говорит Любимов. — Корреспондент газеты, судя по всему, в Сочи не был. Это подтверждают и кооператоры, у которых, «по статье», он брал интервью, — они его не видели. Скорее всего, это какая-

то заказная статья. Думаю, что Сочинского горисполкома. А поскольку Сочи соединен с Москвой «вертушками», вполне вероятно, что они имеют очень высокие выходы. С «Правдой» тяжело спорить. Сначала мы хотели подать в суд, потом решили просто сказать с экрана, что это ложь. И газета на этом успокоилась. Некоторые лжефакты из той статьи опровергались не раз: например, что я влезал на эстраду и призывал свергать местную власть или что-то еще в этом роде. Интересно, что в один день с выходом статьи с Казанкова сняли выговор, который ему вlepило бюро горкома. Предполагаю, на него имеют виды, прочат какую-то большую карьеру, вот и постарались «отмыть». Главная цель статьи достигнута — на нас бросили тень.

Подобных эпизодов в его творческой биографии немало, но во время нашей беседы Александр всем своим ироничным видом давал понять, что совсем не они его занимают.

— Телевидение. Что есть наше ТВ? Даже газеты, контролируемые аппаратом, все же имеют свои редакции и являются чьим-либо органом — ЦК или ВЦСПС, АПН или ВЛКСМ. Почему телевидение — орган... — Саша не по экранному растерянно задумался, — как у них «там» говорят, Кремля, что ли? Огромное количество программ, и все в одном подчинении. Это неправильно, у нас все-таки плюрализм провозглашен. Я — за общественное телевидение. За то, чтобы опираться на собственные профессионализм, ответственность и компетентность.

Действительно, существуют «Наш современник» и «Огонек», «Молодая гвардия» и «Юность», а телевидение — одно. Через три года нас будет смотреть западный зритель, и если ТВ останется в той же неконкурентной системе — ничего хорошего его не ждет. Сейчас на Запад вышли «Взгляд», «До и после полуночи», «Время». Вы в восторге от этих программ? Секрет популярности, как нам кажется, в том, что другие работают еще хуже. Быть популярным на нашем телевидении не так сложно, большого ума не надо. (Вспомните всеми руганную, но в то же время неумоимо популярную «Утрен-

нюю почту».) Нужно создать конкуренцию между каналами, дать им экономическую и юридическую независимость. Телевизионщики должны видеть заработанные ими деньги. К слову, «Взгляд» очень прибылен. Он каждую неделю приносит валюту. Его покупают Япония, Западная Европа и так далее. Но — на что идут вырученные деньги? Вот этого не знают даже удачники ЦТ. Хорошо — на одноразовые шприцы. А может — на покупку резиновых дубинок или спецгазов? Вот вам и госбюджетная организация с обезличенными финансами.

Интересно работает с сюжетами «Взгляда» западное телевидение.

— Они просто переводят всю программу, — усмехается завсегда-тай передачи Владимир Цветов. — Вырезают то, что им неинтересно. Что неинтересно? То, что им непонятно. Но разрешения не спрашивают. Есть главное управление внешних сношений, которое «продает» наше ТВ. «Взглядом» распоряжаются бесцеремонно. Непосредственные производители товара продать ничего не могут. Датчане, например, хотели купить сюжет с парнем-афганцем, утверждавшим, что в 78-м году Апрельской революции не было. Они позвонили на ТВ, узнали цену... Дорого. Помочь им тот же Любимов не смог.

— Сюжет был в феврале, — вспоминает Александр. — Фарид говорил о правительственном перевороте в Афганистане, о том, что страна не была готова к революционным изменениям. Шум поднялся жуткий, программу увидели в Кабуле. Увы, всюду есть люди, которые не понимают, что может существовать и другая точка зрения. Самое неприятное то, что афганское посольство пыталось его отправить домой, где — с его слов, конечно, — смельчака ждала тюрьма, а может, и расстрел. У него отобрали паспорт, и он скрывался у меня. Несколько недель не выходил из квартиры. Свою жену, русскую, кстати, и ребенка отправил из Москвы — мальчика, рассказывал, пытались выкрасть. Мы два месяца сражались, чтобы ему наконец дали вид на жительство. Звонили в ЦК партии, в отдел Среднего Востока и коллегия МИД, в ОВИР, в Верховный Совет, еще

куда-то. Бовин подключился, Бурлацкий, председатель комиссии по правам человека, написал письмо в Верховный Совет. Все входит в положение, понимают, что парню надо помочь, но все равно вопрос очень долго решался. Не думаю, что он кем-то специально тормозился, просто такова система. Очень трудно разделить некомпетентность, нежелание работать и злой умысел. Последствия? Афганское посольство на нас обиделось.

Любой материал «Взгляда» пропускается в эфир только после просмотра. Это целый ритуал. Их спрашивают — зачем вы даете этот сюжет? Они объясняют. Журналисты часто приглашают «нужного» человека — эксперта, когда чувствуют — нужна поддержка. На просмотре «афганского» материала был Борис Пядышев, член коллегии МИД СССР, главный редактор журнала «Международная жизнь». Он, понимая слово плюрализм без кавычек, был готов его прокомментировать. Непросто «пробивался» сюжет о трагических событиях в Тбилиси. Тогда, после Пленума ЦК партии, «Взгляд» готовил сильную программу. К этому времени уже был до определенного уровня разработан материал о Тбилиси, и на 28 апреля ставилась «Хроника событий». Самый сильный сюжет. Тут руководство ТВ начало гадать, куда пойдет дальше генеральный курс. Что делать? Во «Взгляде» же твердо сказали, что без этого материала не выйдут. Дело дошло до взаимоультиматумов. Сами «взглядовцы» вспоминают об этом не любят. Хотя, как нам рассказывали на ТВ, шел разговор о «забастовке». Или «Взгляд» с тбилисской хроникой, или — передача не выйдет вообще. Но подробности остались за кадром...

— Зачем об этом? — искренне удивляется Любимов. — Думаю, не стоит. Если я даже назову фамилию «запретителя», ничего не изменится, но отношения испортятся. С людьми из инстанций у нас установился нормальный контакт — мы к ним привыкли, они к нам... Телевидение должно перестать быть «органом Кремля», по крайней мере таким его до сих пор считают, особенно на периферии. Ведь борьба идет главным образом вокруг одного вопроса — насколько ТВ влияет на общественное мне-

ние? Я считаю, мы не столько формируем, сколько отражаем общественное мнение. Стремимся выразить чаяния людей, раскрыть чужую боль.

Наверное, он прав. Сознание больше формируется не программой «Взгляд», а жизнью, в которой мы видим значительно более страшные вещи: унижение людей, дефицит, преступность, озлобленность. Сам факт существования программы оправдан тем, что он внушает уверенность: что-то можно изменить. Люди заряжаются энергией конкретного дела. А вокруг тезиса об управляемом общественном мнении борьба продолжается. Начальство говорит им — вы раскалываете народ. Это не так. Более того, любой материал по острой проблеме, выданный в эфир, всегда «выпускает пар». Хороший пример — передача с Ельциным.

— Из него сделали «жертву несправедливости», — говорит Лю-

бимов. — Только он заговорил о пайках, а ему с высоких трибун: «Нож в спину партии!» Хотелось показать, что это за человек, ведь такой ажиотаж вокруг... С эфиром были определенные сложности — шли согласования на очень высоком уровне. Страна недоедает, а кого-то больше волнует, как справиться с Борисом Николаевичем. Ему создали имидж борца за права человека. Мне нравится позиция Ленина: коммунисты должны получать все в последнюю очередь. В партию не должны вступать за пайки, машины, дачи и квартиры улучшенной планировки. Раскалывается из-за острых сюжетов не народ, но система тоталитаризма.

Ведущим «Взгляда» приходится сталкиваться и с элементарными уголовными провокациями.

Однажды мы встретили Любимова с перебинтованной головой. На наши вопросы он отвечал шутками типа: «Вы же знаете, мы головами стены прошибаем», а потом, как говорится, расколосся:

— Ждали меня у подъезда трое.

Сказали, что они из общества «Память». Впрочем, они могли сказать все, что угодно. Ведь, как утверждают функционеры «Памяти», многие организации, совершающие акты насилия, прикрываются их именем. Меня спас милицейский патруль, проезжавший мимо. Те трое удрали... После одной из передач было нападение на Диму Захарова. Он спасся бегством, закрывшись в лифте. Приходилось ли мне обращаться в милицию? Да, там сказали: «Ждите, пока что-нибудь случится». Удается оставаться спокойным, хотя телефонные звонки утомляют. Знающие люди советуют не волноваться: «Тебя сначала попытаются купить. А уж если откажешься...» Судя по всему, меня преследуют малопрофессиональные люди: уже не хулиганы, но еще не мафия.

На вопрос, всегда ли он объективен, часто ли идет на уступки, Любимов ответил несколько раздосадованно и абсолютно категорично:

— Любая программа — это компромисс. К примеру, в мае не пу-

стили в эфир сюжет о заводе, который с 72-го года занимается производством скульптуры Ленина высотой 28 метров. Брежнев сказал: «И я такую же хочу», увидев американскую Статую Свободы. «Только чтоб это был Ленин и стоял во Владивостоке». Нам все-таки удалось «выдать» этот сюжет 16 июня, после того, как у нас на руках оказался «козырь» — местная газета с напечатанным официальным решением отказаться от спесивой монументальной.

Значит, рано или поздно любой материал пробивается на экран? Знаем, что не так. Главное — не сдаваться. Говорят, что постарому не будет. Либо хуже, либо лучше. После прихода нового председателя в кулуарах Гостелерадио шутят: «Ненашево ума дело». Поживем — увидим.

Мы уверены, что Александр Любимов и его друзья останутся в отборной обойме перестраивающегося ТВ, чтобы ни случилось с их «Взглядом».

Просматривая первый номер нашего бюллетеня, Александр Любимов досадливо поморщился, увидев, как озаглавлен монолог директора ФБР Уильяма Сешенса — «Взгляд изнутри».

— Ну вот, снова «взгляд». Надоело.

Вот так. Впрочем, самая популярная отечественная телепрограмма не только косвенно монополизировала обиходное слово «взгляд», но и придала ему некую пружинистость и пристрастность. Пристрастность к тому, что во всем мире зовется Перестройкой. Ведущие «Взгляда» бесспорно относятся к когорте самых отважных разведчиков той войны за новое, которую некоторые все еще пытаются свести к привычному знаменателю «незначительных разногласий».

«Каждый выпуск — довольно точный барометр расстановки общественных сил к очередной пятнице. А поскольку схватки идут яростные, «Взгляд» кидает то резко влево, то ближе к центру», — процитировала весной этого года «Советская культура» А. Любимова, самого, пожалуй, популярного из бойцов еженедельных сражений во имя гласности.

Конечно, рассказывая о «Взгляде», надо было прежде всего, наверное, дать слово его создателю Анатолию Лысенко, задумавшему такую «крутую» программу лет пятнадцать назад. «Одни слова для улиц, другие — для кухонь». Именно поэтому, полагаю, во времена брежневско-сусловского парада пугающе-всеобщей удовлетворенности вечерняя программа (в проекте) была названа «У нас на кухне после одиннадцати». Самое место для очередного анекдота «про Леню». Самое время приглушить музыку. Самое место и время для доверительных бесед.

Дерзкий «Взгляд» — я знаю — и ныне многие упрекают в том, что он, оставляя строгие публицистические вершины, лихим эскадронным врывается в темные-претемные проулки анекдотно-скандальных тем. Помню, многих заслуженных зрителей шокировало напористое (нарочито-хладнокровное при этом) предупреждение Саши Любимова в самом начале очередного эфира:

— Сегодня будет много всякой музыки, поэтому те, кого это не устраивает, могут

выключить телевизор. — И тут же дуэтом с Димой Захаровым: — Спокойной ночи!

Много себе позволяют? Но много и получают. Думаю, что первая тройка «Взгляда» (В. Листьев, Д. Захаров, А. Любимов) заслужила хлопотное, но и почетное звание отчаянных Рыцарей Нового Телевидения. Так же, впрочем, как и другие ведущие и те «взглядоделатели», которые остаются за кадром.

Много получают. Прежде всего — внимание. Справа, слева, сверху, снизу. «Взгляд» возглавлял список передач, репрессивного закрытия которых требовала «Память» на своем около-Останкинском митинге. С другой стороны, к ним тысячи сограждан обращаются как к последней инстанции. «SOS» во «Взгляде» раздается зачастую уже после отбивания усталых ступней о все пороги — от жэка до Прокуратуры Союза ССР. И еще о внимании. Не знаю других журналистов столь невидного чина (имею в виду официальную табель о рангах), с которыми встречался бы — не для интервью! — член Политбюро. «Взгляды» вроде бы не оробели...

Их уже не сбросишь со счетов. Можно отстранить от ведения передачи (как это случилось с Сергеем Ломакиным после прямого эфира, где один из гостей программы «позволил себе» намеки в защиту Б. Ельцина). Можно объявить выговор. Можно после «Орбиты» вырубить тот или иной сюжет. (Говорят: «Лучшее место во «Взгляде», словно в мясной лавке, — вырезка».) Можно и просто нервы потрепать.

Главное то, что смелые и неподкупные журналисты не прогибаются. Хочу верить, что такими же неуступчивыми и принципиальными они будут всегда. Хочу верить, что они не дрогнут, пока гласность не освободится от негласного надзора сторонников Нины Андреевой, которые ждут не дождутся, чтобы в средствах массовой информации утвердился принцип: «Все, что не делается, то к лучшему, а то, что к лучшему, не делается». Это, кстати, тоже из блокнота Саши Любимова.

Он выбран для «Клуба» нашего бюллетеня именно потому, что чаще других оказывался в «совершенно секретных» ситуациях. Такой уж у него нрав.

За пару дней до подозрительно дружного отъезда «Взгляда» на молодежный фестиваль в Пхеньян (награда за взгляды «Взгляда») приключились неприятные вечерние разборки на тихой автостоянке недалеко от издательского корпуса московских редакций.

Любимов обсуждал с несколькими известными музыкантами подробности недавней передачи. В это время из притормозившей машины выскочил плотный бородач.

— Ты! Я тебя по телевизору видел, — победно объявил хмельной гуляка.

— Мурад, поехали! — звали его дружки из двух «тачек».

Но «хозяин» ночного города обиженно и яростно доказывал Саше, что он «может купить весь ваш «Взгляд» вместе с камерой», тряс пачками пятидесятирублевых толщиной, соизмеримой с его невысоким лбом. Дело едва не дошло до рукопашной. Небедный Мурад уехал, пообещав Любимову неприятности, один из музыкантов насилу уговорил Сашу сесть в его машину и не искушать судьбу поисками такси (на метро «взгляды» давно уже не ездят — каждая поездка превращается в вечер вопросов и ответов).

На прощание ТВ-звезда, не страдающая (пока?) звездной болезнью, мне сказала:

— Вот после таких встреч с поклонниками не хочется работать.

Ему было в самом деле невесело. Много получает...

Я знаю, что он ничего не боится.

Я уверен, что он не переступит через — воспаленную тем, что он видел и знает, — совесть.

Я понимаю, что непросто быть ТВ-репортером номер — ну пусть хотя бы — три.

И я очень надеюсь на то, что «взгляды» своими передачами воспитают поколение, которое не пожелает, чувствуя боль, вновь ставить себя под плеть.

Ну а неявно высказанную просьбу всеми любимого Любимова мы выполняем: в названии этих заметок нет названия программы.

Ведущий «КР»

Gunter Wallraff
Der Aufmacher

МЕЧТА

Гюнтер ВАЛЬРАФ

ВЫЖИВАНИИ

Гюнтер Вальраф (р.1942) — один из самых знаменитых репортеров нашего времени. Его профессиональная жизнь — это цепь тщательно спланированных и виртуозно осуществленных операций по установлению истины. Каждый из его репортажей становится сенсацией, и никто не может предсказать, из какой точки света, из-под какой маски прозвучит его знакомый, чуть насмешливый голос.

Однако в приводимой ниже статье он предстает перед нами не как мастер «ролевого репортажа», но как серьезный и глубокий мыслитель: за фантастичностью его идей и прожектов, неосуществимых только на первый взгляд, стоит огромный жизненный опыт. Гюнтер Вальраф много раз правильно предвидел и оценивал самые неожиданные политические ситуации. В том числе и повороты к лучшему.

Этому человеку можно верить.

Ежегодно расходы промышленных стран на военные и военно-технологические цели превысили 1200 миллиардов долларов, большинство ученых и целые армии техников работают почти исключительно на вооружение. С другой стороны, в третьем мире растут голод и нищета; более чем 16 миллионов людей ежегодно умирают от голода, в том числе 156 из каждой 1000 детей, не достигших десятилетнего возраста, а 850 миллионов человек страдают от острого недоедания. То, что делается с целыми народами в бедных странах, с детьми, стариками, которых ежедневно терзает голод, напоминает Освенцим...

Грандиозные запасы оружия обеих сверхдержав и их союзников настолько велики, что с их помощью можно несколько сот раз уничтожить все человечество и все живое на Земле. По соглашениям, заключенным между США и СССР в конце 1987 года, эти запасы будут уменьшены на пять процентов. Собственно говоря, это только жест, который, правда, может превратиться в первый шаг демилитаризации, если будет реализовано требование Горбачева использовать сэкономленные средства в пользу голодающих во всем мире. Ибо это означало бы действительно развернуть в обратном направлении роковую спираль вооружения и обнищания. США отклонили это предложение. Им нужны деньги на СОИ. Замаскированная под гигантское исследовательское предприятие по развитию так называемой высокой технологии, разрабатываемая как новейшая оборонная мера, однако запланированная как целенаправленная система нападения, которая должна будет создать абсолютное преимущество, программа СОИ вписывается в прежний образ мыслей и действий. Угрозой является сама ее подготовка, поскольку растранижаются естественные ресурсы и человеческие способности, причем Советский Союз будет вынужден прилагать усилия со своей стороны, чтобы его не перегнали.

Благодаря первым договоренностям о разоружении шанс человечества выжить в следующем тысячелетии стал немного больше. Стрелка отодвинута с без трех минут на без пяти. Однако передышка всех миролюбивых людей доброй воли зиждется на вере в дальнейшие изменения. Ибо в настоящий момент все инициативы по разоружению исходят от блока, которому приписывали окончательную бюрократическую неподвижность. Очевидно, контакт руководящих верхов с базисом все же не прерван, искра не погасла. Глубинные изменения, которые в состоянии вызвать демилитаризацию, в конечном счете не могут быть предписаны сверху.

Взаимопонимание, идущее снизу, в обход военных и идеологических конфронтаций, — многогранно. Я назову некоторые возможности. Требование Горбачева следовало бы подхватить. Недостаточно вложить сэкономленные деньги в фонд развития,

ведь фонд этот, в свою очередь, учитывает только интересы местных промышленных предприятий в ущерб материальным и культурным потребностям бедных стран. Ответственными за программы развития должны быть тамошние эксперты по вопросам культуры. Необходимо соглашение, которое положит конец военному завоеванию космического пространства. Разве исследование космоса, переходящее в манию величия, не служит тому, чтобы переступить земные проблемы, представить их второстепенными, побочными, несущественными? Хотя мы давно знаем, что будущее за скромностью и самообладанием, нас хотят избавить от хаоса и мусорных свалок, заманивая бегством в дали космоса.

Даже если удастся добиться дальнейшего запрещения и уничтожения атомного оружия, милитаризация этих систем еще не будет преодолена. Армия и военные принадлежат к реликтам прошедшей эры. Во всех мужских иерархиях практикуются одинаковые ритуалы. Армия делает ставку на приказ и послушание, на подчинение, на привычку импонировать и угрожать. Офицерские ранги и чины есть и в католической церкви. И генералы, и кардиналы щеголяют в пышных позолоченных одеяниях. Мы должны прийти к тому, чтобы каждый отворачивался при виде этих гротесковых феноменов, смеялся и острлил. Ордена, опереточные мундиры и сутаны должны стать карнавальными костюмами. Идея мира должна обрести такую мощь, чтобы эти привидения фигурировали лишь в «комнатах ужасов».

Надо начинать с малых шагов, создавать инициативы предоставления армии, пока она существует, и других общественно полезных занятий. В Никарагуа, где целой стране грозит опасность оказаться под сапогом великой державы, я не наблюдал ни культа мундира, ни воинственности в общественной жизни. Зато я видел солдат, которые несли нормальную службу. А здесь меня, когда я возвращался из зарубежных поездок, не раз встречали бронированные автомобили. Армия у нас, в ФРГ, это особый мир, чужеродное тело, которое может стать государством в государстве.

Я, например, могу себе представить, что тех, кто отказывается от военной службы, посылают в качестве наблюдателей в другой лагерь и что там они ведут протоколы маневров, выступая в роли летописцев, регистрирующих так называемый боевой дух армии, который часто является злым духом. Те, кто у нас, в ФРГ, отказывается от службы в армии, должны бы иметь возможность гостить в Народной армии ГДР, а представители ГДР, которые также отказываются служить в армии, служат в стройбатах и которым оказывает защиту протестантская церковь, могли бы находиться в частях бундесвера. Они могли бы в совместных коммунистических сообщениях, как обстоит дело с демилитаризацией в обеих системах. Нечто подобное могло бы происходить между США и СССР, и какая-нибудь нейтральная организация, не подчиненная военным блокам, могла бы организовывать такие программы обмена.

Я могу представить себе, что существует Министерство Мира. Его миссия — способствовать разоружению понятий и образов врага в средствах массовой информации и школьных учебниках. Разоружение должно начинаться с детских комнат: нужно ликвидировать военные игрушки и военные видеоаттракционы. Прецеденты уже есть, они идут не сверху. Мы должны делать им рекламу, пропагандировать их, пробивать, хотя мы еще слабы. Здесь нужно усилить деятельность таких организаций, как «Гринпис», «Робин Вуд», «Эмнести Интернешнл» и «Движение за мир». Чтобы армии — даже не действующие — не превращались в нечто бесчеловечное, непродуктивное, что умерщвляет воображение и обладает психическим потенциалом уничтожения. Чтобы призванные на военную службу молодые люди различного происхождения, с различными представлениями о жизни и будущем, и 18 месяцев засунутые в униформу, подвергавшиеся обработке, дрессировке, жесткой муштре, после того как в этой «школе нации» из них вытравили всякое творческое начало, фантазию и собственную волю, не спускали бы на общество как внушающую ужас орду. Я могу себе представить, что солдаты, пока существует такая военная служба, сняв униформу и отложив оружие, принимают действительное участие в защите окружающей среды, или что техники, обученные разным методам разрушения, помогают рекультивировать ландшафты, создавая экологические ниши для оказавшихся под угрозой растений и животных. Солдаты, не только в частях гражданских служб, должны ухаживать за старыми людьми, помогать им добираться в культурные центры и на общественные митинги. Они могли бы даже служить новой культуре цирка: когда цирк Ронкалли, цирк волшебства и поэзии, приезжал на гастроли в Москву, отведенное ему место представляло собой сплошной глинистый пустырь. В одну ночь Красная Армия подготовила площадку, помогла разбить палатки и вместе с артистами оборудовала интерьер, чтобы показать населению поэтическое цирковое представление. Я могу себе представить, что в школах преподается предмет «Мир». Люди, приезжающие в разные страны по делу мира, минуя всякие блоки, могут способствовать выработке доверия в школах бывших «врагов». Мышление в категориях «блоков» происходит из ложной идеологии и ложной религии. Разделение мира по принципу «хороший-плохой», «либо-либо», «все или ничего», это черно-белое представление о действительности — неадекватно ей. Исследователь проблемы мира Иоган Гальтунг видит утопического человека, воплощающего самую широкую идею мира, в некоем «эскимосе-буддисте», который происходит из такого культурного окружения, где высшим принципом является гостеприимство, а религия не знает схемы друг-враг. Мы должны основать комитет исследователей, художников и писателей, которые предпринимали бы экспедиции в самые разные блоки. Они, как иностранцы со свежим взглядом, должны исследовать, какие есть в этих странах возможности, неизвестные в их собственной стране, и какие предрассудки несут в себе они сами. Отчеты и результаты таких экспедиций должны публиковаться в совместных изданиях.

Такие встречные усилия должны помочь устранить ненависть, структуры, основанные на предрассудках, «блоковое» мышление, звинчивание страхов и аффектов. Я думаю, что сейчас наступила эра меньшинств. Мы должны заново открывать людей, группы населения и народы, которые отказались подчиниться уравниловке и «одновременному включению» и сохранили свои собственные возможности. Они есть не только в захолустьях, в незастроенных индустриализацией областях мира, в горах и на берегах Ледовитого океана или в тропических джунглях, — но и здесь. В гражданских инициативах.

Но что скажут на это две дюжины самых богатых в мире господ, которым в США и Западной Европе принадлежат крупнейшие конерны военно-промышленного комплекса, эти мощные миллиардеры, чьи лоббисты подмазывают политиков в столицах, чтобы те повышали и повышали затраты на вооружение? Поддадутся ли они на наши уговоры перестать богатеть, отказаться от притязаний на распоряжение все большей частью общественного продукта? Пока слово остается за ними, все, о чем я говорю выше, останется мечтой.

(Из книги Раисы Орловой и Льва Копелева «Мы жили в Москве»)

Мы впервые услышали об Андрее Сахарове в 1964 году. Шло общее собрание Академии наук. Утверждалось избрание новых академиков. Среди кандидатур был некто Нуджин — ближайший сотрудник Лысенко, считавшегося при Сталине «главой марксистской биологии». Он и при Хрущеве оставался вселильным.

Однако несколько академиков выступили против избрания Нуджина, так как за ним не числилось никаких научных работ.

Молодой академик говорил ровным, тихим голосом, что Нуджин не только лжеученый; он и его покровитель Лысенко виновны в том, что разрушена целая наука — советская генетика, виновны в преследованиях, даже в гибели ученых.

Рядом с президентом Академии Келдышем сидел Ильичев, заведующий отделом ЦК, главный идеологический советник Хрущева. Он спросил громким, злобным шепотом:

— Кто этот малчишка?

Келдыш ответил:

— У нас его называют отцом водородной бомбы.

Собрание подавляющим большинством провалило кандидатуру Нуджина.

Обо всем этом нам рассказывали разные люди, радуясь еще одной примете обновления. Но были и тревожные слухи — Хрущев, разъяренный самоуправством ученых, хотел даже распустить Академию.

Весной 1966 года мы снова услышали о Сахарове. Он был в числе 25 ученых, музыкантов, артистов, писателей, которые подписали обращение к XXIII съезду — призыв не допускать реабилитации Сталина...

Летом 1968 года мы прочитали в «самиздате» его меморандум «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Некоторые его пожелания нам показались утопичными, наивными, но излучаемый этим меморандумом дух, нравственная позиция и человеческий облик автора, воплощенный в его размышлениях, необычайно привлекали. Именно в это время вести из Праги — весна «социализма с человеческим лицом» — вызвали все новые надежды. А московские слухи, зловещие интонации советской печати возбуждали старые тревоги и страхи. И Сахаров, спокойно, серьезно, именно как ученый рассуждавший о важнейших проблемах страны и мира, укреплял надежды и помогал преодолевать страхи.

Мы впервые увидели Андрея Дмитриевича и познакомились с ним в 1971 году на вечере поэзии в клубе писателей. Летом 1972 года он написал два обращения к советскому правительству — о политической амнистии и об отмене смертной казни. Л.* подписал оба. Они побывали у нас, мы у них и вскоре по-семейному сблизились.

...Двухкомнатная квартира на улице Чкалова принадлежала Руфи Григорьевне Боннер, реабилитированной после семнадцати лет лагерей и ссылок. Там жили Елена Георгиевна с Андреем Дмитриевичем, а до 1978 года еще дети и внуки Елены Георгиевны. У Андрея Дмитриевича не было даже своего письменного стола. Но жил он в необозримо просторном мире.

Елена Георгиевна рассказывала: «Когда мы гуляли, Андрей спросил: «А ты знаешь, что я люблю больше всего на свете?» ...Я-то думала, он назовет стихотворение, симфонию, на худой конец — жену. Но он признался, что самое любимое для него — это реликтовое излучение. И стал объяснять, что это едва уловимые следы каких-то событий в космосе, которые произошли миллиарды лет назад». Обитая в просторах космоса, он открыл трудную, жестокою, мучительную жизнь земных людей. Все острее сознавал свою личную ответственность за все, происшедшее в его стране, в государстве, которому он помог создать такое мощное, сокрушительное оружие. Держава награждала его и ограждала привилегиями от всех забот, которые уродовали жизнь его соотечественников. А он приходил к новому сознанию своего общественного и гражданского долга. Этот долг велел объяснять властям и всем, кто способен на них повлиять, ту правду о положении в стране, об угрозах миру, которая открылась ему. Опираясь на свой научный и «номенклатурный» авторитет, он стал помогать несправедливо преследуемым, обличать беззаконие, произвол.

В 1971 году он вместе с двумя молодыми физиками Андреем Твердохлебовым и Валерием Чалидзе создал Комитет защиты прав человека. Позднее его стали просто называть Сахаровским комитетом.

...Вторник. Приемный день у Сахаровых. Обе комнаты, кухня и коридор полны людей. В одной комнате расспрашивают толь-

ко что вернувшегося из лагеря. В другой — жена ссыльного рассказывает о том, как ездила к нему в дальнюю сибирскую деревню. Тут же стучит машинка — печатают очередное обращение Хельсинкской группы. На кухне Руфь Григорьевна и две ее лагерные подруги беседуют с молодыми людьми, сравнивают нынешние лагеря со сталинскими. На кухне угощают. Внезапно смех: впервые увидели, как Андрей Дмитриевич опускает в кипяток кусок сыра и помидор: он все ест теплым. У холодильника Елена Георгиевна перекладывает консервы, колбасу — академический паек — в сумки двух женщин. Это передачи ссыльным.

В коридоре несколько человек спорят о строительстве атомных станций.

Снова и снова дребезжит звонок. Приходят знакомые и незнакомые, недавние лагерники, родственники заключенных, корреспонденты — американцы, немцы, французы.

Снова и снова звонит телефон — Новосибирск, Тбилиси, Вильнюс, Париж, Лондон. Тут же из коридора дочь диктует по телефону новое заявление Сахарова.

Пенсионер принес очередной проект переустройства России и настаивает, чтобы Сахаров немедленно его выслушал.

Тем, кто видит его впервые, он кажется застенчивым, едва ли не робким. Светлые серо-голубые глаза под крутым, выпуклым лбом глядят спокойно, внимательно, доверчиво. Высокий, худощавый, чуть сутуловатый. В больших обществах он обычно оказывался где-то в стороне.

Но и самоуверенных, говорливых спорщиков его сдержанность и старомодная вежливость постепенно разоружают. Хотя он больше слушает, терпеливо слушает, прежде чем заговорит сам.

Все, кто жил в этой квартире, и большинство из тех, кто сюда приходил, вели себя так, словно там, за стенами, нет ни топтунов в черных «Волгах» с антеннами, ни КГБ, ни прокуроров, готовых в любой час подписать ордер на их арест.

Посетители приходили не только по вторникам. Одни просили помочь получить квартиру, увеличить пенсию, прописаться в Москве. Другие жаловались на несправедливое увольнение, на злоупотребления начальства, на мужей, не платящих алиментов. Он выслушивал всех. И разговаривал он одинаково с прославленными учеными и школьниками, с американскими сенаторами и лагерными работниками, с московскими писателями и крестьянами-баптистами из дальних глухих мест. Он со всеми говорил уважительно, с неподдельной заинтересованностью.

Летом 1978 года он с женой и ее сыном приехал в Потьму, в Управление лагерей Мордовии, просить о свидании с одним из заключенных. Они остановились в доме для приезжающих, где жили и несколько лагерных охранников. По вечерам все вместе смотрели телевизор.

Охранники заговаривали с Сахаровым, он выслушивал их рассказы, расспрашивал.

Сын удивился:

— Зачем с такими общаться?

— Разговаривать нужно со всеми.

Он выслушивал и тех, кто врывался к нему в квартиру, называя себя «представителями палестинского народа» или родственниками погибших при взрыве в метро, грубо ругали его за то, что он защищает Израиль или армянских террористов, устраивавших взрыв, угрожали ему, его семье. Их он тоже выслушивал. Спрашивал. Объяснял. И говорил так же неторопливо, спокойно, будто вел собеседование на семинаре по физике.

Он никогда не пытался никого перекричать. Он верил, надеялся, что в каждом человеке можно отыскать зерно человечности, что правду можно объяснить едва ли не каждому.

Несколько раз нам приходилось быть его переводчиками. Он читает и говорит по-немецки и по-английски, но, когда речь идет о сложных проблемах, ему важно, чтобы каждое слово было передано точно. И тогда он просит помогать ему. При этом нередко сам поправляет переводчиков, уточняя оттенки мысли.

Однажды его спросили, мог ли бы он объясниться с инопланетянами.

— Разумеется. Нарисовал бы, например, прямоугольный треугольник и квадраты с трех сторон. Теорему Пифагора все поймут.

Осенью 1979 года мы были вместе в Сухуми. С утра до обеда все работали по своим номерам в гостинице. Потом обедали, купались, гуляли, ходили в кино. И там он прочитал нескольким друзьям две лекции на тему «Космологическая модель вселенной с поворотом по стрелке времени».

Он рассказывал о сложнейших проблемах физики макро- и микромира, рассказывал так, что даже мы понимали — разумеется, не аргументы, но наиболее существенные из его выводов.

Он называл множество имен советских и иностранных ученых, ссылаясь на их работы, наблюдения, гипотезы или открытия. Его спросили, что же в рассказанном исследовании, открыто им самим? Он отвечал: «Моя работа — просто мозаика из тех камешков, которые собрали другие...»

Один из слушателей, ученый, заметил: «Такая «мозаика» вполне достойна Нобе-

АНДРЕЙ

САХАРОВ

левской премии».

При встречах с ним мы ощущали успокаивающее душу излучение.

Даже когда он бывал взволнованным, встревоженным, оскорбленным, разгневанным. Травля, начавшаяся в 1973 году, в которой приняли участие его коллеги, те, кого он считал добрыми друзьями, вызвала у него острую боль. И каждое новое сообщение о несчастье у знакомых или даже вовсе не знакомых людей, об аресте, обыске, о жестоком приговоре побуждало его спешить на помощь.

У него так и не возник иммунитет к чужим страданиям. Но и в самые трудные, самые мучительные дни он сохранял либо — после недолгих порывов горя, гнева — восстанавливал это мудрое душевное спокойствие.

* * *

Он был самым молодым членом Академии наук, целиком поглощенным своими исследованиями. Его почитали коллеги и власти. Он был трижды награжден высшей наградой страны — «Золотой Звездой» Героя Социалистического Труда: по уставу этой награды ему должны были поставить бронзовый бюст в Москве, трижды получал высшие государственные премии. Его будущее представлялось безмятежным и многообещающим.

А он внезапно — для постороннего взгляда внезапно — свернул с накатанного пути, начал защищать несправедливо осужденных и преследуемых — крымских татар, которых не позволяют вернуться в Крым; немцев, которых не отпускают в Германию; евреев, которых не отпускают в Израиль; православных и католиков, баптистов и пятидесятников, гонимых за свои верования; рабочих, утесняемых начальством; он требовал политической амнистии и отмены смертной казни, требовал свободы слова.

Он пришел в Союз писателей, когда исключили Лидию Чуковскую; когда ему позвонили, что у кого-то идет очередной незаконный обыск, он, не найдя машины, приехал на попутном автокране. В Омске судили Мустафу Джамилева, милиционеры силой вытолкали из коридора суда академика Сахарова и Елену Боннер. В Вильнюсе судили Сергея Ковалева — и опять Сахаров стоял у дверей. И в Калуге, когда судили Александра Гинзбурга. И в Москве, когда судили Анатолия Щаранского. И так множество раз... Перенесся инфаркт, он ездил в Якутию навещать сосланного друга, и вдвоем с женой они двадцать километров прошли по тайге.

В октябре 1975 года Сахарову была присуждена Нобелевская премия мира. Когда ему сказали об этом, то первые его слова, тогда же записанные, были: «Надеюсь, нашим политическим заключенным станет легче, надеюсь, это поможет защите прав человека».

Его вызывали прокуроры и руководители Академии. Предостерегали. Уговаривали. Угрожали. К нему в квартиру вламывались пьяные хулиганы. По телефону и в подметных письмах ему сулили убить его детей, внуков.

Один из иностранных корреспондентов спросил, испытывает ли он когда-нибудь страх.

Сахаров ответил, что боится за родных, особенно за детей, боится и за друзей. О себе старается не думать.

Из его стола выкрадывали рукописи. И наконец, его бессудно выслали в Горький, под домашний арест, под надзор целого подразделения мундирных и штатских охранников.

Но он не сдавался. Снова и снова продолжал отстаивать права человека, призывал к справедливости и политическому здравому смыслу.

Восхищаясь подвигом Сахарова, многие забывают о глубочайшем трагизме его жизни. Трагична его судьба, потому что душа его разрывается между страстью к науке и любовью к людям, не к абстрактному человечеству, а именно вот к этому страдающему, обиженному человеку.

Он тяжело болен. Он живет в постоянном нервном напряжении. И с каждым днем нарастает опасность для его физического существования.

Еще до того, как о Сахарове узнал мир, он, возражая министрам, маршалам и самому Хрущеву, настаивал на прекращении ядерных испытаний.

Он отдал все полученные им государственные премии, больше ста тысяч рублей, на строительство онкологических больниц.

Противники не могут его понять, называют блаженным чудачком, безумцем. Гораздо больше тех, кто видит в нем святого подвижника.

И нередко можно услышать голоса: «Откуда в нашей стране в наше время это непостижимое, необъяснимое чудо?» Можно ли проследить корни, истоки этого чуда?

С детства Андрей Сахаров дышал воздухом русской интеллигентности. Род Сахаровых с конца восемнадцатого века — несколько поколений сельских священников. Прадед Николай Сахаров был протоиереем в Арзамасе; прихожане чтили его за доброту и образованность. Дед, Иван Николаевич, первым вышел из духовного сословия, переехал в Москву. В начале века был редактором сборника «Против смертной казни»; был знаком и сотрудничал с Короленко; бывал у Толстого; друг семьи Толстого музыкант Гольденвейзер был крестным отцом Андрея Дмитриевича. Отец — Дмитрий Иванович — стал физиком. Наши ровесники учили физику по его учебнику. Д. И. Сахаров был не только ученым, но и талантливым пианистом.

С первыми сказками бабушки, со звуками пианино, на котором играл отец, со стихами и книгами воспринимал Андрей ту духовную культуру, из которой выросли его представления о добре и зле, о красоте и справедливости.

Д. И. Сахаров в 1925 году издал научно-популярную книгу об электричестве «В борьбе за свет». Его сын стал борцом за свет правды и человечности.

Веря в плодотворность человеческого разума, он верит и в иррациональные душевные силы, которым необходимы искусство, музыка, поэзия.

Мы несколько раз слышали, как он читал наизусть Пушкина, тихо, почти про себя: «Когда для смертного умолкнет шумный день...» Он сказал однажды: «Хочется следовать Пушкину... Подражать гениальности нельзя. Но можно следовать в чем-то ином, быть может, вышем...»

Говорили о том, как Пастернак восхищался Нобелевской речью Камю, и Андрей Дмитриевич заметил: «Эта — речь создана по-пушкински, это — пушкинский кодекс чести...»

Вдвоем с братом Юрием они юношески азартно, перебивая друг друга, декламировали «Перчатку» Шиллера и вспоминали свою детскую игру: один «мычал» ритм, а другой должен был угадать, какое стихотворение Пушкина тот задумал.

Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна часто вместе с друзьями читали стихи Пушкина, Тютчева, Ал. Конст. Толстого, Анны Ахматовой, Арсения Тарковского, Давида Самойлова, слушали песни Окуджавы и Галича.

Не только духовные традиции прошлого, не только литература воспитывали мироощущение Сахарова. Он был сыном своего времени. Школьником, студентом, молодым ученым, участвуя в разработке атомного оружия, он верил в идеалы социализма, верил в праведное величие своей страны. Но именно потому, что он верил глубоко, искренне и чисто, он тем острее воспринимал пропасть между идеалами и действительностью и тем мучительнее пережил крушение юношеской веры.

В 1978 году, в десятую годовщину пражской весны, он в интервью корреспонденту газеты «Монд» сказал, что именно тогда под влиянием всего, что происходило в Чехословакии, определился решающий перелом в его сознании. Тогда он написал и решил опубликовать свой «Меморандум».

Преображенное сознание побуждало Андрея Сахарова по-новому жить, побуждало к действиям. В своей новой деятельности — борьбе за права человека — он наследовал и развивал старые, добрые традиции.

Он пытался вразумлять правительство, так же, как некогда Александр Герцен, вызвавший к Александру Второму, добиваясь отмены крепостного права; как Лев Толстой, который упрямил трех русских царей отменить смертную казнь, миловать политических противников; как Владимир Короленко, который спешил на помощь несправедливо преследуемым, оклеветанным, осужденным, бесстрашно защищавший жертвы и царских жандармов, и большевистской чеки, и белогвардейских контрразведок.

Андрей Сахаров — необыкновенный человек. И в то же время — типичный русский интеллигент. Он сродни героям Чехова и русским донкихотам, русским фаустам, тем, о ком говорил Достоевский: «Быть настоящим русским — значит быть настоящим европейцем, быть всечеловеком».

И когда нас спрашивают — неужели вы все еще можете надеяться на лучшее будущее России, мы отвечаем: «Да, мы надеемся на бессмертие духовных сил России, тех сил, которые олицетворяет Андрей Сахаров».

Пятнадцатого декабря 1986 года в квартире ссыльного А. Д. Сахарова пришли сотрудники ГБ и два техника, они установили телефон и предупредили: «Ждите завтра важного звонка».

На следующий день позвонил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, сказал Сахарову, что он может возвращаться в Москву вместе с женой, что она помилована, спросил о здоровье.

Все это рассказал нам сам Андрей Дмитриевич 19 декабря, когда мы прозвонились к нему в Горький из Кёльна и впервые за эти годы услышали его голос, все такой же мягкий, негромкий, все такую же неторопливую речь...

«Надо помнить, что, скрывая что-либо от других, мы прячем это также от самих себя», — писал академик П. Л. Капица, размышляя еще в 30-е годы о «непомерном и вредном секретничестве» в науке. Эти рассуждения ученого, опубликованные журналом «Химия и жизнь», актуальны и сегодня.

Предлагаем еще несколько заметок Петра Леонидовича на ту же тему, сделанных им на листках справочника АН СССР 1954 года.

Никакая научная истина и достижение, если они широко не освоены, не могут быть признаны достижением науки. Это — как скрытые в земле минералы, которые становятся только тогда ценностями, когда они извлекаются и когда ими пользуются.

Засекреченное научное достижение равноценно его отсутствию.

Состояние засекречивания эквивалентно мускулам, которые атрофируются за отсутствием деятельности.

1) Засекречивание ведет к тормо-

жению науки, так как задерживает развитие тех проблем, где скрещиваются различные области. Эти проблемы и бывают наиболее передовыми.

2) Засекречивание исключает общественный контроль и дискуссии и содействует развитию лженауки, безделью, бюрократическому режиму.

3) Засекречивание понижает уровень научной работы, так как у людей уменьшается стимул для ее проведения. (Рафаэль, который скатывал бы все свои произведения в ру-

лончик, не чувствуя сам силу того впечатления, которое производили его творения, разве мог бы расти и развиваться?)

4) Засекречивание ни к чему не ведет, так как по существу оно даже невозможно в полной мере. ...Засекречивая, мы вредим себе больше, чем нашим недругам.

5) Засекречивание создает монополию в научной работе и уничтожает здоровое соревнование.

Когда наша наука будет по-настоящему передовой, она не будет нуждаться в засекречивании.

лебательные контуры на плато Пайк уже питала специальная электростанция. Тесла получал искры длиной в десятки метров, в точности подобные молниям, и, экспериментируя с этими молниями, пришел к выводу, что энергию можно без потерь передавать непосредственно через земной шар. Филиппов, видимо, сразу понял, что это ошибка, но затея со «Всемирным телеграфом» поначалу вызвала у многих неистовый энтузиазм и получила финансовую поддержку Дж. П. Моргана.

Это был золотой век! Изобретатели работали с быстротой и эффективностью, недостижимой даже сейчас, в эпоху НТР. Что ни день, появлялись сообщения о всепроникающих и притом невидимых лучах, о таинственных сигналах, пролетающих любое расстояние и пригодных даже для прямой передачи мыслей... Не все в потоке тогдашних новостей было достоверно — но попадались и действительно потрясающие открытия, сделанные одно за другим в течение какого-нибудь десятка лет.

Рентген открыл «икс-лучи»...

Попов изобрел радио...

Маркони наладил связь без проводов через Атлантический океан. После этого прекратилось финансирование «Всемирного телеграфа», и Тесла, заболев от горя, прекратил изобретательскую деятельность...

Валерий ПОЛИЩУК

Сегодня все чаще и чаще появляются тревожные сообщения о таинственном «пучковом» оружии, о боевых лазерах, способных уничтожить ракеты на старте или в полете... Давняя идея передачи энергии без проводов наконец воплощается в жизнь — увы, как то бывало уже со многими великими идеями, в уродливой форме секретных военных программ. Самое, однако, удивительное здесь то, что о подобных же таинственных «лучах смерти», поражающих противника на любой дистанции, всюду шумела пресса в первые годы нашего столетия. История, которую я намерен рассказать, свидетельствует: у тех давних сенсаций, возможно, была реальная основа.

«...Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстоянии тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мной указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена».

Такое письмо ушло 11 июня 1903 года из малоприметного петербургского дома на улице Жуковского в редакцию газеты «Русские ведомости». Оно оказалось предсмертным. Наутро его автор, Михаил Михайлович Филиппов, математик, химик, полиглот, литератор, философ, а сверх того — редактор и издатель журнала «Научное обозрение», был найден в своем кабинете бездыханным.

Накануне он сказал домашним, что ночью будет заниматься опытами, просил не будить его до полудня. Однако и тогда, в полдень 12-го, на стук в дверь не откликнулся. Переждав немного, жена постучала снова, встревожилась, вызвала слесаря... Когда дверь взломали, то увидели, что Михаил Михайлович лежит в неловкой позе у стола, уставленного приборами.

Вызванный поначалу частный врач заключил, что смерть наступила «от неизвестной причины». Потом явилась полиция — и начался детектив. И врачи, и артиллерийский полковник А. Гельфрейх, привлеченный в качестве научного эксперта, несколько раз меняли версии. Объявляли, что Филиппов погиб от поражения «лучами смерти». Потом поправились: не от лучей, а от отравления синильной кислотой. В конце же концов решили, что смерть наступила от сердечного приступа. Так и записали в официальном заключении, что повредило не заводить уголовного дела.

Гельфрейх путался не менее, чем доктор. С ходу объявил, что вряд ли можно было бы изобрести что-либо путное в такой «ненаучной обстановке». Потом, однако, выдвинул три несовместимые друг с другом версии: Филиппов изучал

взрыв «смеси углерода с кислородом»... Филиппов, мол, пытался вызывать взрывы по телефону, и это может представить «определенный интерес»... Филиппов вообще ничего не изобретал, его сообщение об опытах было лишь маскировкой для задуманного самоубийства.

Полковника, разумеется, сбивало с толку то, что в кабинете не нашлось ничего похожего на устройство для передачи энергии. Кроме того, он, как и врачи, явно прислушивался к подсказкам начальства. Оно же, заполучив бумаги и приборы покойного, видимо, спешило закрыть дело и прекратить шум в газетах. А шум стоял, и немалый. Газетчики спешили урвать с этой сенсации свое. О филипповских лучах сочиняли такое, что у читателя вставали волосы дыбом. К примеру, связывали происшествие на улице Жуковского со взрывом и пожаром, случившимся в пяти верстах отсюда, на Охте, примерно в то же время. Поначалу причину охтинских событий называли вполне житейскую: во дворе дома взлетел на воздух аптекарский склад, где хранились запасы бензина (заправочных станций тогда еще не знали, и владельцы первых автомобилей покупали горючее в аптеках). Потом, однако, появилась фантастическая версия о том, что взрыв спровоцирован неосторожными действиями сыщика в филипповском кабинете: он-де встряхнул какую-то колбочку с жидкостью — и вот вам отдаленный в пространстве результат...

Парадоксально, но решающую роль в этой истории действительно играла некая адская жидкость, однако в кабинете ее не было, иначе тот сыщик уже ничего бы не рассказал. К жидкости я еще вернусь, пока же отвергну последнюю из гельфрейховских версий: Филиппов отнюдь не собирался умирать. По завершении опытов, в тот же вечер, он должен был ехать в Париж для консультации со знаменитым химиком Марселем Бертло и билет уже купил. И не такой он был человек, чтобы приврать хоть слово. Филиппов славился честностью, строжайшей, порой обременительной научной педантичностью. И если уж он решился сообщить о своем открытии в печати, стало быть, неоднократно его проверил.

Кое-что он рассказывал о своей работе и раньше, но, к сожалению, людям, далеким от точных наук. Листая газеты тех грустных дней, я натолкнулся на заметку профессора А. Трачевского — давнего друга Филиппова, историка. Трачевский вспоминал, как за несколько месяцев до кончины Михаил Михайлович с несвойственным ему возбуждением рассказывал о своих успешных опытах, сути которых старый гуманистический не понял и не запомнил. В его памяти сохранилось лишь упоминание о некоем американце, который стремится к тому же результату, что и Филиппов, но (Михаилу Михайловичу это было ясно) движется неверным путем.

Я сразу понял, кто этот американец. Речь шла о великом изобретателе сербского происхождения Николе Тесла. Именно он в 1902 году объявил миру, что с полным успехом завершил опыты передачи энергии без проводов на плато Пайк в штате Колорадо. И что он начинает строить в Нью-Йорке гигантскую башню «Всемирного телеграфа», который обеспечит все человечество беспроводной связью, а в недалеком будущем позволит передавать в любую точку земного шара сколько угодно электрической энергии без малейших потерь.

В конце прошлого века газеты обошла сенсационная фотография: гениальный серб стоит посреди комнаты, держа в руках светящуюся трубку, к которой не подведено ни единого проводка. От лабораторных опытов он мгновенно, с истинно американским размахом, перешел к крупномасштабным; ко-

А индийский физик Чандра Бос между тем сообщал, что научился передавать энергию сквозь капитальные стены и сумел вызвать выстрел в запертой комнате, переслав лучи сквозь плоть самого губернатора Бенгалии, который, видимо, по недоверчивости прикрывал стену собственным телом...

Так удивительно ли, что достоверность сведений, сообщенных Филипповым в предсмертном письме, не вызвала ни у кого сомнения — разве что у полицейских экспертов?

По единодушному мнению газет, Михаил Михайлович возился в своем кабинете с некими «эф-лучами». Что же это за материя? Лишь в одной газете — французской «Le journal» — я отыскал разъяснение для непосвященных: «эф-лучи» — это те самые, что простираются в спектре электромагнитных волн вслед за красными. По-современному, стало быть, никакие не «эф», а просто инфракрасные. Значит, суть своего изобретения Филиппов обозначил точно: «электрическая (электромагнитная) — В.П.) передача энергии взрыва». Другое дело, мог ли он знать, что инфракрасные лучи неограниченное расстояние не преодолевают...

Но ведь была у него уверенность насчет беспрепятственной передачи «на тысячи километров»!

Можно предполагать, что его уверенность породил успех совсем других опытов, о которых сохранились лишь глухие упоминания.

В 1930 году А. М. Горький, прочитав в газетах о нашумевшем достижении Маркони (тот, находясь в Генуе, зажег освещение международной выставки в Сиднее), писал: «Это же было сделано 27 лет тому назад у нас литератором и ученым М. М. Филипповым, который несколько лет работал над передачей электроток по воздуху и в конце концов зажег из Петербурга люстру в Царском Селе...»

Горький не был специалистом по части техники, потому и принял на веру неточные сведения о том, что Маркони, мол, передал в Австралию «электроток». На самом деле, разумеется, пересылались не киловатты, необходимые для горения множества ламп, а малая доля ватта — направленный радиосигнал, лишь включивший реле, от которого засияла иллюминация, питаемая энергией местной электростанции. Так не проделал ли Филиппов нечто похожее — включение царской люстры — с помощью сигнала, передаваемого за три десятка верст из Петербурга... Границы между диапазонами — радио, микроволновым, инфракрасным — тогда не были четко установлены. Зато твердо знали, что это единая суть — электромагнитные волны. И если лучи, вызываемые электрическим разрядом, распространяются столь угодно далеко, почему бы не быть такими же неудержимыми другим — «эф-лучам», которые порождают взрыв?

Так что же за аппарат изобрел Филиппов? На разгадку меня натолкнула фраза из его предсмертного письма в «Русские ведомости»: «Опыты замедляются необычайной опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как NCl (хлористый азот); частью крайне ядовитых».

Хлористый азот... Капелька этой дьявольской жидкости, падая на трехдюймовую доску, взрывается, пробивая ее насквозь. При этом мгновенно выделяются большие порции лучистой энергии. Что, если их взять под контроль, собрать в фокус? Например, с помощью вогнутого зеркала... Ставить опыты с жидким веществом чрезвычайно — оно совершенно неукротимо. Но ведь жидкость очень летуча, почему бы не попытаться счастья с парами? Одна беда: она взрывается даже при испарении в вакууме, без нагревания. Ну а если испарять

осторожно, пропуская над жидкостью индифферентный к ней разбавляющий газ? Какой из таких газов наиболее доступен в домашней лаборатории? Ясное дело — углекислый, получаемый из соды и любой кислоты.

Итак, эксперимент такой. Берем круглодонный сосуд с посеребренным дном (вогнутое зеркало), откачиваем из него воздух, промываем для страховки углекислым газом, каковой снова откачиваем. Потом напускаем из другого сосуда пары хлористого азота, разбавленные тем же углекислым... Чтобы вогнать ощутимое количество вещества, посуда потребует немалая, литров на пять. Если кривизна дна окажется удачной, а при серебрении часть металла невзначай осядет на запаянной части горлышка, может произойти следующее. Часть энергии, которая выделяется при распаде хлористого азота, поглотит углекислота. А потом, чтобы «успокоиться», этот газ станет скидывать избыток энергии с помощью инфракрасных лучей, которые, не исключено, сформируют узкий, строго направленный пучок...

Читатели, возможно, уже поняли, как называется прибор, который я описал: это лазер с химической накачкой. Не берусь утверждать с гарантией, но принимаю как наиболее достоверную версию — Филиппов изобрел именно лазер, очень мощный, вероятно, углекислотный. В 1984 году за разработку химических лазеров группа советских ученых была

том, что аппарат готов и изобретатель собирается в Париж? Однозначно: поездку предотвратить, аппарат изъять. Для этого могли даже прибегнуть к услугам уголовников; в практике тайных операций это не такая уж новинка.

Кабинет Филиппова помещался на верхнем этаже пятиэтажного дома, был украшен фонарем с широчайшими окнами, которые по летнему времени, конечно, были открыты. Проворному человеку не стоило труда пробраться на чердак над ним, а оттуда спуститься в окно... Что там произошло: убийство или действительно сердечный приступ у предельно утомленного изобретателя, судить не берусь. Однако полковник Гельфрейх, вызванный наутро, не нашел в кабинете ничего, похожего на аппарат...

Зачем было Филиппову ехать в Париж, к Берглю, если у него была возможность в любой момент поговорить с не менее мудрым химиком, собственным учителем, Менделеевым? Ответ прост. Бергль был пацифистом, а Дмитрий Иванович — активным радетеlem оборонной мощи. Если бы ему рассказали об изобретении, он, скорее всего, посоветовал бы немедленно передать его военным. Но Филиппов-то именно этого не хотел! В том же, что «боевые лучи» не сегодня-завтра станут реальностью, не сомневались и военные: в 1910-х годах при создании в Петербурге казенного оптического завода в его составе с самого начала была предусмотрена

дело решили не открывать), но описания опытов в их составе уже не было, да и вообще листов стало намного меньше. Впоследствии, так же как и приборы, за давностью лет остатки бумаг уничтожены.

Новый запрос — в прокуратуру. Ответ не менее оперативный: бумаги поступали, но при них не было описи. Содержимое дела за прошествием лет припомнить не можем...

Классическая спихотехника! На торной канцелярской дорожке всегда отыщутся такие колдобины, что и слон потеряется. А потом уж никакая охранка не разберет, по разгильдяйству он утрачен или лихо украден.

И все же одна собственноручная филипповская записка эту вакханалию пропав пережил, и в деле № 48 есть ее копия.

«Опыты над передачей взрыва на расстояние. Опыт 12-й. Для этого опыта необходимо добыть безводную синильную кислоту. Требуется поэтому величайшая осторожность, как и при опыте с взрывом окиси углерода.

Опыт 13-й, взрыв окиси углерода вместе с кислородом. Надо купить элемент Лекланше и Румфордову спираль. Опыт, произведенный мною в марте в гостинице, вполне удался. Надо повторить здесь в большом помещении по отъезде семьи...»

Далее бумажка оборвана, на обороте ее небрежно написана формула щавелевой кислоты, из которой, вероятно, Ми-

СМЕРТЬ

удостоена Ленинской премии. Правда, в их приборах использовали не хлористый азот — больно уж неудобна в обиходе эта адская жидкость. Но среди прочих веществ исследовали и его; он действительно способен «накачивать» энергией углекислоту.

Новый всплеск интереса к тайне этого изобретения начался в шестидесятые годы, после выхода в свет книги Бориса Михайловича Филиппова (сына) «Тернистый путь русского ученого». В газетах, научно-популярных журналах обсуждались версии одна другой фантастичнее. Однако слово «лазер» не произнес ни один из специалистов, включившихся в дискуссию. Впрочем, химических лазеров в 60-е годы еще не было...

Теперь — о гибели Филиппова. Полагаю, что, огласив сведения о своем открытии, а тем паче — о намерении ехать советовать за границу, он подписал себе смертный приговор. Это ведь только для него да для узкого круга благородных интеллигентов передача энергии без проводов была средством достижения всеобщего мира. Прочие же, особенно те, кто правил государствами, видели в изобретениях технических гениев совсем другое: секретное оружие для грядущей войны. В петербургских кабинетах с зашторенными окошками, думаю, не раз ворчали на то, что господин послал редкостный талант пацифисту да вдобавок противнику существующего в Российской империи строя. Филиппов был последовательным, твердым марксистом и целью своей жизни считал издание журнала, пропагандирующего идеи прогресса и материализма. Ради этого он отказался даже от заманчивой карьеры романиста. Первый и единственный его роман «Осажденный Севастополь» заслужил похвалу самого Льва Толстого; свидетельством высоких качеств этого произведения может служить хотя бы то, что уже в советское время академик, лауреат, и прочая, и прочая С. Н. Сергеев-Ценский, создавая эпопею «Севастопольская страда», переписывал в нее куски из филипповского романа страницами (история этого плагиата стала достоянием гласности лишь недавно).

Филиппов бросил в 90-е годы сочинительство и научную работу, оставив для себя лишь создание философских и научно-популярных трудов да редактирование «Научного обозрения». Это был невиданный по тому времени журнал — издание для философов, мудрецов, искателей истины. Филиппов публиковал (под псевдонимом) и В. И. Ленина, находившегося в ссылке, и Циолковского, статьи которого отказывались принимать другие издания, и Плеханова, и множество прогрессивных публицистов, бывших не в ладах с российской цензурой.

Вернуться к химическим экспериментам «помогло» начальство, выславшее в 1901 году Михаила Михайловича за «возмутительную пропаганду среди молодежи» в дачный поселок Териоки (ныне Зеленогорск). Провокатор М. И. Гурович (кличка — Харьковцев), писавший доносы на Филиппова и на многих других прогрессивных интеллигентов, был вскоре разоблачен и открыто перешел на службу в полицию. Полагаю, однако, что он не был единственным агентом, действовавшим в этой среде. Начальство исправно получало сведения и о разговорах, которые вели обитатели Териок (в их числе были П. Ф. Лесгафт, А. М. Коллонтай), и о филипповских опытах.

Есть основания полагать, что сбор сведений не прекратился даже после того, как Михаилу Михайловичу разрешили вернуться в Петербург, освободив его от официального надзора. Как могла реагировать секретная служба на сообщение о

лаборатория «силовой оптики», имеющая целью создать что-то вроде гиперболоида инженера Гарина.

...Когда у Алексея Толстого спрашивали, кто был прототипом Гарина, он ссылаясь на слышанную от кого-то из знакомых историю инженера, который изобрел что-то подобное, но погиб в гражданскую войну в Сибири. Не была ли легенда об этом неведомом инженере отголоском филипповской истории, на которую наложился вдобавок слухи о секретной лаборатории?

...Крупнейший советский физик академик А. М. Будкер считал, что некоторые открытия делаются преждевременно, а некоторые, наоборот, запаздывают. К числу первых он относил освоение атомной энергии не созревшим еще для такой ответственности человечеством, к числу вторых — изобретение лазера, который мог появиться еще в 20-е или 30-е годы. Интересно, что сказал бы он, узнав, что луч лазера, возможно, загорался на нашей планете еще в 1903 году?

Последнее, что мне осталось рассказать, — история поиска филипповских документов. Считалось, что они полностью пропали. Однако в полицейском деле, датированном 1913 годом, имеющем номер 48 и озаглавленном туманно: «Переписка по разным вопросам», обнаружилось нечто весьма серьезное.

Оказывается, утром 12 июня 1903 года, когда Михаила Михайловича Филиппова нашли мертвым, в его дом — еще до прихода полиции — явился некто. Свой, домашний человек, постоянно сотрудничавший с «Научным обозрением». Он вскоре ушел, унося часть бумаг покойного. Позднее на просьбы вдовы вернуть их утренний гость отговаривался тем, что не успел в них разобраться, а потом объявил, что вообще никаких бумаг в глаза не видел. И даже в газете выступил с сердитым опровержением: «Я всегда глубоко уважал покойного... никогда бы себе не позволил... распространяемые слухи порочат...» Вырезки из этой, да и многих других газет добросовестно подшиты в деле № 48. Не стану называть его фамилию: если и были у человека грехи, то на склоне лет он искупил их с лихвой. Ходившие в начале века слухи, что он — полицейский осведомитель, документального подтверждения не получили, и партийный суд чести (он тогда состоял в социал-демократической партии) признал его невиновным. Позднее этот человек был профсоюзным деятелем, служил в банке, преподавал, а в 1931 году был репрессирован по делу «контрреволюционной меньшевистской организации»...

Бумаги, которые уцелели после его визита, а также конфискованные приборы и химические реактивы в 1913 году взялось искать само Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице, в просторечье — охранка. Искало со всем усердием. Не столько потому, что вдова Филиппова обратилась с прошением на имя министра внутренних дел Маклакова, сколько из-за участившихся сообщений печати о том, что над «боевыми лучами» работают в Германии, во Франции и в других державах. А время-то, напомним: канун мировой войны!

Был сделан запрос в полицейскую часть, куда все изъятые из квартиры номер четыре попали после обыска. Ответ не задержался: какие-то банки и приборы действительно хранились несколько лет, но потом, за давностью времени, уничтожены. Что же касается бумаг (тех, которые не успел захватить утренний гость. — В.П.), то вскоре после доставки они были за № 449 отправлены судебному следователю, потом в окружную прокуратуру. Оттуда вернулись за № 12094 (уголовное

хаил Михайлович собирался готовить окись углерода. На основе этой записи полковник Гельфрейх сделал глубокомысленное заключение, будто покойный изучал взрыв «смеси углерода с кислородом». Что же написано на лицевой стороне, если не планы дальнейших, не осуществленных опытов? О чем они говорят? Не о том ли, что после нескольких удачных попыток (одна из них, видимо, была предпринята в Риге, куда Филиппов ездил весной, чтобы кому-то показать свое изобретение... Кому?) он пытался осмыслить, что же все-таки происходит, и для этого перебирал разные взрывчатые вещества и смеси, пробовал добавлять к ним то одно, то другое...

Департамент полиции между тем продолжал разрабатывать ту часть дела, которая казалась ему особенно важной, — вопрос, не уплыло ли описание опытов Филиппова за кордон. Особое внимание сыска привлекли сообщения об опытах итальянца Уливи, который в 1913 году заявил, что изобрел способ издали подрывать снаряды и мины, хранящиеся в трюмах вражеских кораблей. О нем писала газета «Le journal», которую я уже упоминал. Там была помещена заметка, называвшаяся патетически: «Война будет ужасной или невозможной».

... Уливи прибыл во Францию на британской яхте, окружил свою особу покровом мистической тайны и — предложил военному министерству купить у него секрет прибора, действующего якобы силою «эф-лучей». Корреспондента, которого «Le journal» срочно отрядила в Гавр, шустрый итальянец, видимо, попросту дурачил — в заметке немало леденящих душу подробностей. Впрочем, на его удочку попались и вполне серьезные люди. С ним пыталась сторговаться официальная комиссия во главе с генералом Жоффром. Правда, сделка не состоялась, но частным фирмам Уливи продал за громадные деньги несколько своих аппаратов, после чего немедленно исчез вместе с яхтой.

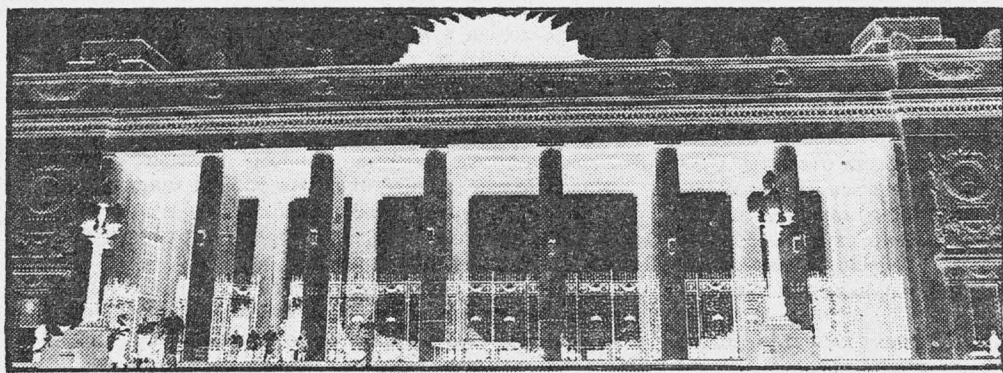
Был ли он стопроцентным жуликом? Возможно, нет. Репортер газеты отмечал: на палубе яхты возвышались две «громадные мачты радиотелеграфа». Случайным ли было такое украшение? Если добавить, что один из аппаратов Уливи купила именно радиотелеграфная компания, то не исключено, что в действительности он занимался не «эф-лучами», а минами с радиовзрывателями. Делом по тому времени вполне реальным, развивавшим военное приложение тех опытов, которыми еще в начале века занимались и Тесла, и, возможно, Филиппов. А уж что натолкнуло загадочного итальянца на такую затею — собственная ли интуиция, или какие-то иноземные бумаги, попавшие в его руки, кто же угадает?

Сведения об Уливи настолько взволновали российскую охранку, что в Париж был даже командирован глава заграничной российской агентуры Красильников. Его рапорт, также содержащийся в деле № 48, успокоительный: Уливи — шарлатан и обманщик, открытие же, подобное тому, на какое он претендовал, «по отзыву компетентных лиц, еще не сделано и вообще является едва ли осуществимым».

На доклад Департамента полиции о результатах розыска по делу Филиппова 25 апреля 1914 года наложена резолюция министра: «Дальнейшую переписку прекратить».

Ничего не нашли — и бросили искать.

Оно, может, и к лучшему. Спустя три месяца на Европу обрушилась невиданная по жестокости война, в которой без разбора применяли любые доступные орудия убийства.

— Мартин, как получилось, что вы вдруг заинтересовались «русской темой»?

— Достаточно случайно. Дело в том, что меня, как автора детективных романов, чрезвычайно интересовали советские методы криминалистической экспертизы, особенно антропологический метод профессора Герасимова — восстановление облика умершего по черепу. И я решил написать книгу о приключениях американского полицейского в Москве. Но когда в 1973 году я, подобно своему будущему герою, сам приехал в Москву и своими глазами увидел здешнюю жизнь, то понял: сюжет может быть гораздо сложнее, чем я предполагал. Ведь главное достоинство детективного жанра в том, что он позволяет показать общество в поперечном разрезе. Я попытался показать американцам жизнь советского общества в 70-е годы глазами своего героя.

— И поэтому заменили американского полицейского на русского следователя?

— Совершенно верно.

— А как к этому отнеслись ваши издатели в США?

— По-разному. В основном их смущало, что главный герой книги — следователь Аркадий Ренко — русский, к тому же — партийный, и не просто член КПСС, а человек, свято верящий в ее идеалы. Так, я не смог договориться с первым издателем в США, которому я предложил «Парк Горького», — он настаивал на том, что главным героем книги непременно должен быть американец.

— Почему местом убийства вы избрали именно Парк Горького?

— Все очень просто. Я уже говорил, что в романе я хотел дать картину жизни советского общества. Но, в отличие от тех американских писателей, которые, описывая Россию, первым делом думают о Кремле, о чем-нибудь связанном с армией или КГБ, я выбрал менее известный для американцев символ Москвы — Парк Горького, место, где всегда много самых разных людей и которое, как мне казалось, в миниатюре отражает жизнь советских людей.

— Трудно было собирать материал для «Парка Горького»?

— Чрезвычайно. Ведь в СССР я был всего две недели, а для того, чтобы написать детективный роман на советскую тему, этого, конечно, недостаточно. Впоследствии я пробовал повторить свое «русское путешествие», но всякий раз советские власти отказывали мне в этой возможности. В Штатах я просиживал в библиотеках дни напролет, подолгу беседовал с советскими эмигрантами; некоторым из них я даже давал прочитать рукопись во избежание ошибок. Но, разумеется, без каких-то фактических ляпсусов не обошлось. Например, знакомясь с советской юридической системой, я прочитал уйму работ советологов и обнаружил там много противоречий, особенно по поводу трактовки тех или иных законов. Так что полной точности добиться было очень трудно.

— Когда в 1981 году книга увидела свет, советская пресса подвергла ее резкой критике. Какой была ваша реакция на эти выступления?

— Я очень расстроился. Мне казалось, что я создал очень симпатичного русского героя, а мой роман был назван антисоветским. И все же я надеялся, что у вас изменят отношение к роману.

— В «Парке Горького» вы пытались, говоря вашими словами, дать советское общество в разрезе. Как вы думаете, изменилось ли отношение к СССР у американцев после прочтения романа?

— Конечно. По крайней мере, те из моих соотечественников, с кем я беседовал по поводу своей книги (а таких было немало), говорили мне, что теперь они гораздо лучше понимают советских людей и лучше к ним относятся. Не к политическому строю, подчеркиваю, а именно к людям.

ЛАБИРИНТАМИ ПАРКА ГОРЬКОГО

У НАС В ГОСТЯХ

Восемь лет назад в советской печати промелькнуло сообщение, имевшее целью ужаснуть и возмутить всех честных граждан. Речь шла о кровавом преступлении в Парке культуры и отдыха имени Горького: зимой милиция обнаружила там три обезображенных до неузнаваемости трупов... Впрочем, оговоримся сразу: изощренное убийство и его сопряженное со всевозможными трудностями расследование старшим следователем Аркадием Ренко — плод воображения американского писателя Мартина Круса Смита, автора детективного романа «Парк Горького». Эту книгу, вышедшую в свет в издательстве «Рэндом хаус» и побившую в 1981—1982 годах все рекорды популярности на Западе, в СССР заклеили как антисоветскую; М. К. Смит был объявлен графоманом и обвинен в том, что «дискредитирует всех сторонников и друзей разрядки» (К. Сенин. Эх, да с кольцом, да вдоль Москвы-реки. Литературная газета. 1981. 28 октября). Писателю также инкриминировали «стремление поставить под вопрос готовность «этих русских» добиваться мира и разрядки международной напряженности» (А. Мулярчик. На литературной обочине. Вопросы литературы. 1982. № 11). По-видимому, сделать столь далеко идущие выводы (в романе ничего похожего и близко нет) критиков заставил категорический императив того времени: действие политического детектива должно развиваться (с большими или меньшими отклонениями) по нехитрой схеме, прекрасно описанной еще в 1966 году В. С. Высоцким в его «Пародии на плохой детектив»: злокозненный шпион империалистической державы, искажающий микропленькой «то, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив», его алчный подручный (а на самом деле «чекист, майор разведки и прекрасный семьянин») и неперенный хэппи-энд, олицетворенный «мирным греком» или другим дружественным лицом, поселившимся в гостинице «Советская».

Однако же быстротекущее время лечит и ставит все на свои места — в общем, творит чудеса. Формула «роман имярек я не читал, но считаю...» постепенно заменяется вполне логичным и справедливым «пусть советские читатели сами прочтут и решат». То, что казалось невозможным еще совсем недавно, теперь становится былью: криминальный — в прямом и переносном смысле слова — роман «Парк Горького» будет опубликован с разрешения автора в форме дайджеста в ближайших номерах журнала «Детектив и политика». А в июне сам Мартин Крус Смит с дочерью Элен приехал в Москву по приглашению Московской штаб-квартиры МАДПР — собирать материал для очередного (уже третьего по счету) детективного романа на советскую тему. Вот что рассказал о своей жизни и планах 46-летний писатель корреспонденту «Совершенно секретно» Георгию Толстякову.

— Кстати, каков общий тираж «Парка Горького» в США?

— Точно не скажу, но, во всяком случае, больше двух миллионов.

— А на какие языки переведена ваша книга?

— Практически на все европейские языки, на китайский, японский...

— В Советский Союз вы приехали по приглашению Московской штаб-квартиры Международной ассоциации детективного и политического романа. Как вы оцениваете эту организацию?

— Что ж, идея замечательная. Мне нравится, что после долгих лет монополии американских и отчасти английских детективных романов на западном книжном рынке мы стали общаться с «детективщиками» из Советского Союза, Европы, Латинской Америки, о которых, к сожалению, мы практически ничего не знали. МАДПР — важный вклад в развитие детективного жанра во всем мире. Однако нам еще предстоит выяснить, насколько мы, как организация, плодотворны и жизнеспособны. Ведь мнения наши по различным политическим вопросам зачастую расходятся...

— В Москве вы побывали на Петровке, 38, познакомились с советскими сыщиками. Что общего у них с американскими коллегами?

— Милиционеры и полицейские похожи. И лучшие похожи на лучших. У лучших — то же ревностное отношение к работе, то же чувство горечи — и те и другие считают себя «козлами отпущения» общества, та же отчаянная честность и то же чувство некоторого превосходства, принадлежности к немногим, которые действительно знают общество изнутри. Эти люди — и здесь и там — знают все ходы и лазейки, все червоточины общества; они видят иную, странную, тайную, но, тем не менее, реальную картину мира. Они — словно хранители ключей к тайникам и подземным ходам этого призрачного, но реального мира, и они хотят навести в нем порядок, понимая, что заменить их некому.

— Ну а московская мафия — похожа она на американскую?

— У вас молодая мафия; мне кажется, она еще только формируется. Отличие ее от американской — только в этом. Но во всем остальном — сходство поразительное. Некоторые сцены, которые мне довелось наблюдать в Москве, как две капли воды напоминают аналогичные в Нью-Йорке.

— Если уж мы заговорили о сравнениях — какие воспоминания у вас остались о Советском Союзе 1973 года и каким он вам показался сейчас?

— 16 лет назад было довольно мрачно. Тогда моим глазам предстал мир, лишенный половины красок, очень враждебный. Люди жили тяжело и главное, как мне казалось, без всяких видимых надежд на улучшение жизни в обществе, где привилегиями пользуется номенклатура... Сейчас у вас в стране царит, если угодно, созидательный хаос, созидательная анархия. И мне это больше по душе. Теперь кровь бежит по жилам общества быстрее, чем раньше.

Мне кажется, до недавнего времени СССР, выражаясь языком медицины, находился в состоянии *rigor mortis* — трупного окоченения. Но теперь вроде бы это окоченение проходит.

— А что вас больше всего поразило в сегодняшней Москве?

— То, что сейчас в Москве, кажется, абсолютно все имеет свою рыночную стоимость, не зная которой не попадешь в ресторан и не сядешь в такси. Например, истинная рыночная стоимость такси в 2 часа ночи гораздо выше, чем в 5 часов дня. И цены эти — непредсказуемы! Быть может, это процесс становления? Интересно, как советским, «невооруженным» твердой валютой, удается справляться с этой изменчивой ситуацией? Взять пенсионера, который получает 60 рублей в месяц. Что он может себе позволить, если этих денег не хватает на элементарное существование!

— Связан ли ваш интерес к России с русской литературой?

— Несомненно. Работая над «Парком Горького», я открыл для себя (помимо Достоевского, Толстого и Гоголя, которых прочитал еще в школе) совершенно удивительных писателей и поэтов. Теперь мои самые любимые поэты — русские: Ахматова и Мандельштам. Много читаю Чехова — для меня он ни с кем не сравним. Нравятся мне и современные авторы: Аксенов, Владимов, Бродский, Катерли, Трифонов. Очень люблю Распутина и вообще книги о Сибири. В доме у меня — сотни русских книг.

— Это редкость для стопроцентного американца — если не ошибаюсь, вы имеете непосредственное отношение к аборигенам Американского континента.

— Да. Отец был джазовым музыкантом, саксофонистом, играл в стиле «би-боп» и даже принимал участие в джем-сейшн вместе со знаменитым Чарли Паркером. Кроме того, он подрабатывал на автомобильном заводе — инженером-дизайнером. Мать, индейка из племени пуэбло, в прошлом — джазовая певица, активно участвовала в борьбе американских индейцев за политические права. Сейчас мои родители живут неподалеку от Санта-Фе, штат Нью-Мексико, и преподают в средней школе.

— Как начиналась ваша писательская карьера?

— Я был профессиональным репортером. Закончил Пенсильванский университет, работал в агентстве Ассошиэйтед Пресс и в газете «Филадельфия Дейли Ньюс». А в 1969 году переехал в Нью-Йорк и попробовал зарабатывать на жизнь писательским ремеслом. Всего я написал около 20 книг — плохих и неплохих. Переходя от книги к книге, я учился писательскому ремеслу. Я научился заканчивать книгу — это самое сложное; чтобы довести книгу до конца, нужны стойкость и жизнеспособность. Поначалу, когда я зарабатывал мало денег, я научился писать книгу за 8 дней — чего не рекомендую никому. Теперь я пишу гораздо дольше (например, над «Парком Горького» я работал 8 лет), по многу раз переписываю свои романы. Я написал ряд книг о

современной жизни американских индейцев. Так, после «Парка Горького» я написал роман «Ворота для жеребца», действие которого происходит в 1945 году в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, в секретной военной лаборатории, где была создана первая атомная бомба. Дело в том, что моя мать — родом из Нью-Мексико, и резервации ее племени располагались рядом с этой лабораторией. В романе я хотел показать, что все мы — русские, американцы, африканцы или китайцы — в ядерный век, увы, подобны индейцам в резервации...

— Ну а чем вас привлекает детективный жанр?

— Мне нравится структура детективного романа; она — тугая, словно натянутый канат. Вопрос только в том, как ты пройдешь по этому канату. Хорошим детективным романом можно увлечь человека, который до тех пор никогда и не интересовался какой-то проблемой — общественной или политической.

— Вы считаете, что с помощью детективного романа можно выразить глубокие чувства?

— Безусловно. Убийство, например, порождает взрыв чувств и эмоций. Лично мне не интересно ни читать, ни тем более писать детективы, в которых важна лишь разгадка. Это пустая трата времени.

— Как вы относитесь к проблеме личного оружия? Есть ли оно у вас?

— Оружие — инструмент насилия, и я не могу сказать, что не пишу об этом в своих книгах. С насилием, как ни печально, сталкиваешься достаточно часто. Писать детектив и не говорить о насилии — это все равно что писать картину и не пользоваться красной краской. Но лично у меня нет оружия. Чем больше насилия в моих романах, тем меньше я хочу видеть оружия в реальной жизни.

— А если нужно защитить себя, свою семью?

— Я никогда не сталкивался с этой проблемой — не приходилось. Ни на меня, ни на кого из моих близких никогда не нападали. 16 лет мы жили в Нью-Йорке, уже 7 лет живем в Калифорнии — и ни разу мы не оказывались в такой ситуации, когда в кого-то нужно стрелять... Но я знаю людей, которые постоянно готовят себя к тому, что им придется с этим столкнуться, хранят у себя оружие. Я считаю, что, «накручивая» себя подобным образом, они сами провоцируют насилие.

— Расскажите о вашей последней книге на «русскую тему».

— В июле в США выйдет мой новый роман «Полярная звезда». Действие этого детектива будет разворачиваться в море, на советском плавучем рыбозаводе. Читатель вновь встретится с Аркадием Ренко, на сей раз на шкерочной линии — той части рыбозавода, где идет первичная обработка рыбы, самая грязная, тяжелая, неблагодарная работа.

— Вам удалось побывать на советском рыбозаводе?

— Да. Все началось в 1987 году. Я обратился к советским властям с

просьбой позволить мне посетить советское судно, но мне отказали. Тогда я решил поехать на Алеутские острова (все-таки это довольно близко от России). И как раз в это время туда пришел советский плавучий рыбозавод. Я попросился на борт, познакомился с капитаном и его помощниками и пару дней провел на судне. Наконец капитан спросил меня, не я ли автор романа «Парк Горького»; я, конечно, признался, и разговор у нас поначалу вышел неприятный: капитан считал, что сильно рискует, имея на борту своего корабля такой «подрывной элемент».

— Капитан читал «Парк Горького»?

— Нет, но он, конечно, слышал о моей книге. Наконец я все-таки его переубедил, и он предложил мне отправиться с ними в плавание. А это мне и было нужно. На борту «Сулака» — так назывался плавучий рыбозавод — мы отправились к месту рыбного промысла, но вскоре нас догнала официальная бумага советского посольства, запрещающая мне оставаться на советском рыбозаводе. Но я уже провел на «Сулаке» несколько дней. Кстати, это гигантский рыбозавод — суда такого типа практически неизвестны американцам. Больше всего меня поразило то, что месячная зарплата советского матроса, включая северный коэффициент, равнялась примерно 350 рублям, в то время как американские рыбаки на траулере получали 10 тысяч долларов.

— 10 тысяч в месяц?

— Да, ведь это очень опасная работа. Не только в США, но и, наверное, во всем мире нет более опасной работы, чем глубоководный лов рыбы. А ведь и американцы и русские работали вместе — это совместное советско-американское предприятие. Кто-то, видимо, экономит на советских морях, может быть, министерство? Но основной парадокс в том, что, если бы не этот совместный проект, американские моряки скорее всего сидели бы без работы, потому что американский рыболовецкий бизнес очень шаток, подвержен быстрому подъему и спадам. Этим совместным проектом с СССР была спасена значительная часть американского рыболовецкого бизнеса, но выгадали от этого в основном американские, а не советские рыбаки...

— Ну а о чем все-таки будет роман?

— Пересказывать сюжет не буду — скажу лишь, что в отличие от «Парка Горького», где речь шла в основном о московском уголовном мире, в «Полярной звезде» я попытался рассказать о советских рабочих, сибиряках, о простых людях. Книга — о них, а не о рыболовстве. Буду рад, если герои этого романа смогут прочитать о себе по-русски.

Фото Г. ТОЛСТЯКОВА

КОЛОНКА
СЛЕДОВАТЕЛЯ

Руководитель
Пресс-бюро МВД
СССР
полковник
внутренней службы
кандидат
юридических наук
Борис МИХАЙЛОВ

ОТКРЫВАЯ
СЕКРЕТНЫЕ
ЦИФРЫ

Уже сегодня мы можем с уверенностью сказать, что гласность, широко вошедшая в нашу повседневную жизнь, помогает нам не только вести борьбу с преступностью, но и позволяет реально оценивать, анализировать, намечать конкретные меры по профилактике правонарушений, привлекая к этой работе широкие слои общественности. Правда, как это ни странно звучит, но среди дружного хора голосов, одобряющих встретивших снятие всяческих запретов и ограничений на публикации в печати данных о состоянии преступности в стране, раздаются и такие: мол, рановато это сделали, общественное мнение не подготовлено к восприятию всей правды об уголовной преступности. Да я и сам иногда думаю: легче ли будет дышаться советскому человеку, если он узнает, что в 1988 году каждые 32 минуты совершалось умышленное убийство, а каждые 14 минут наносилось тяжкое телесное повреждение, что в стране совершено 165 тысяч краж государственного и общественного имущества и более полумиллиона краж личного имущества? Не исключая, что некоторые, прочитав опубликованные данные, будут просто шокированы.

Судите сами: в прошлом году было зарегистрировано 1 867 223 преступления, что

на 68,7 тысячи больше, чем в предыдущем. Прискорбно, но должен признать: каждое четвертое из этих преступлений осталось нераскрытым. Три четверти из 463,3 тысячи нераскрытых преступлений — кражи личного, государственного и общественного имущества.

В прошлом году произошел рост преступлений в 59 союзных, автономных республиках, краях, областях, особенно в Молдавской, Киргизской ССР, Тувинской, Северо-Осетинской АССР, Алтайском крае, Горьковской, Иркутской и Ростовской областях. В 1988 году на улицах совершено больше убийств — на 35,6%, тяжких телесных повреждений — на 67%, грабежей — на 61,2%, разбойных нападений — на 48,5%, изнасилований — на 17,3%.

Сами по себе эти цифры могут, конечно, показаться угрожающими. Только их содержательный анализ может дать более или менее объективную картину. И здесь мы подходим к вопросу о культуре работы с уголовной статистикой. Например, в прошлом году было совершено 16 710 убийств и 37 191 тяжкое телесное повреждение. Много это или мало? В сравнении, скажем, с США — значительно меньше. В 1988 году там совершено 22 тысячи убийств и около 830 тысяч тяжких телесных повреждений, причем свыше 80% из них совершались на почве насильственно-корыстных устремлений. Впрочем, не будем забывать, что всякое сравнение, когда речь идет о жизни человека, звучит кощунственно. Даже если 100 или 10 человек погибли от рук преступников — это уже много.

Конечно же, каждое такое преступление должно быть раскрыто, а убийца — обезврежен. Кстати, раскрываемость убийств у нас — 90%, тяжких телесных повреждений — 80,3%, а в США соответственно около 70% — первых и около 60% — вторых.

Так вот, когда мы говорим о шестнадцати с лишним тысячах убийств, то может создаться впечатление, что убийцы буквально безнаказанно разгуливают у нас по городам и весям, требуя «кошелек за жизнь». Надеюсь, читатели «Совершенно секретно» поверят мне, что это не так.

Во-первых, в тысячах городов и поселков преступления против личности не являются доминирующими в структуре преступности, а во многих вообще не совершается ни одного убийства.

Во-вторых, как показывают выборочные исследования, около половины убийств совершается в сфере бытовых отношений.

Вот что еще интересно отметить. На дни отдыха и праздников приходится до 40—50% убийств, что во многом связано с пьянством. Почти в каждом третьем случае преступники применяли «случайные» орудия убийства — кирпичи, камни, колья, бутылки. В более 40% случаев использовались колюще-режущие орудия — кухонные ножи, стамески, отвертки и т. п., что красноречиво свидетельствует о ситуационно-бытовом характере этих преступлений.

Проанализировав данные о лицах, совершавших умышленные убийства и тяжкие телесные повреждения, за последние десять лет (1979—1988 гг.), мы видим, что за этот период их количество сократилось: убийства — на 26,9% (с 20 967 до 15 330 человек) и тяжкие телесные повреждения — на 32,3% (с 39 до 26,4 тысячи человек). Наибольшее число лиц, совершивших эти виды преступлений, приходится на все те же пресловутые годы застоя (в 1980 г. — 22 176 убийств и 39 338 тяжких телесных повреждений; в 1981 г. — 22 715 и 39 551). Снижение числа лиц, совершивших убийства, началось с 1982 года и продолжалось до 1987 года (с 22 137 до 13 984), причем в 1985 году снижение составляло 9%, в 1986-м — 18%, в 1987 году — 14,4%.

В структуре преступности три четверти составляют кражи государственного, общественного и личного имущества. Примерно 40% из них — это квартирные кражи. Как они совершаются? Элементарный криминологический анализ квартирных краж в прошлом году (а их было совершено около 175 тысяч, что на 28,9% больше, чем в предыдущем) по способу совершения наглядно показывает: 20% краж совершается путем так называемого использования доверия, когда хозяева квартир доверяются случайным людям, оставляют ключи в обусловленных местах и т. п. Свыше 30% краж совершены после взлома дверей или замков. Около половины краж совершаются квалифицированным способом с применением отмычек и специальных приспособлений.

Что можно сказать по поводу раскрываемости квартирных краж? К сожалению, пока раскрывается только каждая вторая. Приведенные цифры, полагаю, достаточно красноречивы. У милиции сегодня очень много проблем. В ряду их — и повышение уровня профессионального мастерства оперативных работников, и их техническая оснащенность.

Николай ЛЕЛИКОВ

С работой Леониду Травкину (фамилия персонажа очерка, естественно, изменена. — Н. Л.) не везло. Менял места, профессии — все не то. Когда устроился барменом в харьковский ресторан «Левада», показалось, что наконец нашел то, что так долго искал. Правда, знакомый директор ресторана Косинов содрал с него за «теплое местечко» тысячу рублей. Но Леонид не обижался — работа того стоила.

Кроме вступительного взноса каждую рабочую смену-пятитдневку Косинов требовал еще сто рублей. По мере того как у нового бармена повышался производственный опыт, повышалась и такса. Когда она достигла 350 рублей, Травкин откровенно взбунтовался.

— Не будьте козлами, — говорил он коллегам-барменам. — Мы уродуемся, а он бабки даром гребет. Надо его тормознуть.

На другой день разговор этот стал известен Косинову. Тот решил показательно проучить некорного. Организовал в баре контрольную закупку, которая установила, что бармен в каждый коктейль недоливает 40—50 граммов смеси. Дело пошло в суд, который приговорил Травкина к году исправительно-трудовых работ с отчислением 20 процентов заработка в доход государства и на три года лишил права занимать материально-ответственные должности.

Травкин принял вызов. Поехал в Москву и рассказал сотрудникам МВД СССР о поборах, которые Косинов взимает с подчиненных. Москва передала информацию Киеву, МВД УССР стало с ней работать. Травкин знал много, и другие бармены быстро поняли, что безопаснее его поддержать, чем запереться. Купюры, в очередной раз предназначенные для подношения Косинову от буфетчицы Катрич, пометили люминесцентным препаратом. Косинова взяли с поличным. За получение взятки более чем на 300 тысяч рублей суд приговорил его к 15 годам лишения свободы.

Травкина, как добровольно заявившего о даче взятки, на этот раз от уголовной ответственности освободили. Он устроился на работу бетонщиком в СМУ, изготавливающее могильные надгробия. Работа запойная, мрачная, но жизнь обеспечивала безбедную. А он после пяти лет работы барменом на одну зарплату жить уже не мог.

В это же время, несмотря на две судимости, Травкин стал собирать сведения о разных хозяйственных преступлениях и тайно сообщать их милиции. В основном харьковской. Но ездил и в Киев, и в Москву, дорожные расходы ему оплачивались.

В Харькове в системе бытового обслуживания орудовала группа дельцов, изготавливавших неучтенные швейные изделия. Естественно, наживали миллионы. Травкин решил втесаться в их компанию. С помощью старых друзей устроился портным в ателье № 36, где работали трое из организаторов подпольного бизнеса: Давыдов, Шабельник и Шеховцов. Новая специальность ему не нравилась, не давалась, да он и не старался ею овладеть. Фактически работал реализатором. Неучтенные изделия выпускались тысячами. Их нужно было сбывать. Продавцы швейным фабрикам и ателье системы бытового обслуживания по штату не положены. Развозили по разным городам страны и продавали на базарах неучтенную продукцию приемщики заказов, портные, кладовщики, уборщицы, порой просто нищие не работавшие люди. Называли их реализаторами и платили им за труды десять процентов от вырученной суммы, что иногда составляло несколько тысяч в месяц. Травкин снова почувствовал себя в родной стихии. И, как часто бывает во время еды, аппетит у него разрастался.

— Знаешь, — спросил он Давыдова, — что я сдал Косинова?

— Об этом весь Харьков знает, — равнодушно ответил тот.

— Если не хочешь, чтобы сдал и вас, гони 15 тысяч.

Тогда он еще не знал, что на Давыдова работали и некоторые милицейские чины, среди них работники областного управления внутренних дел — начальник специальной группы по борьбе с преступностью в системе бытового обслуживания майор Федоренко и начальник одной из служб майор Бондаренко. При таком прикрытии добро-

ПРОСЛАВЛЕНИЕ

вольный нештатный осведомитель мог показаться Давыдову неопасным. Тем не менее Давыдов отнесся к шантажу серьезно.

— Гарантируешь, что нас не тронут? — спросил он у Травкина.

— Такой гарантии вам не сможет дать и сам бог. Но я сделаю все, чтобы вас не тронули.

— Хорошо, — кивнул Давыдов.

Выполнять обещание Травкин не собирался — ему просто хотелось сорвать куш.

— Если сейчас нет наличных, — сказал он, почувствовав легкую неловкость, — могу подождать.

Давыдов смерил его удивленно-пренебрежительным взглядом:

— Завтра.

В условленное место Травкин прибыл заранее. Зашел в гастроном и оттуда стал наблюдать. Машина Шабельника появилась ровно в одиннадцать. Травкин несколько минут выжидал — ничего подозрительного не заметил. Тогда он вышел, сел в машину. Шабельник передал ему довольно объемистый черный кулек — деньги были мелкими купюрами. За этот кулек Травкин и сел на скамью подсудимых. Но снова отделался легким испугом — три года условно. Правда, теперь с привлечением к труду в «специально отведенных местах». Прекрасно понял, как ему повезло. За такую же сумму, полученную от Давыдова, начальник контрольно-ревизионного управления Министерства финансов УССР Бойко, судимый впервые, получил 11 лет лишения свободы. Разница между ними была в том, что Бойко считался должностным лицом, а Травкин — всего лишь добровольцем-вымогателем.

Приехав в Харьков, я позвонил Травкину («специально отведенное место», куда его определили, находится недалеко от его дома), договорились встретиться на следующий вечер. В условленное время он постучался в гостиничный номер. Ни тени неуверенности, смущения. Разговор начал первым:

— Скажите, как вы обо мне узнали?

— Сейчас гласность. Журналистов знакомят с разными делами, — ответил я, не желая вдаваться в подробности.

— Пусть так, — согласился он. — Чем могу быть полезен?

— В вашем деле, с которым я знаком, только факты. А мне интересен комментарий к ним. Скажите, заявляя о взяточничестве Косинова, вы не были еще связаны с милицией?

— Ну, конечно. Разве тогда он хоть что-то с меня поимел бы?

— Почему вы поехали сразу в Москву?

— Я же не сегодня на свет родился. Здесь у Косинова все было куплено.

— Все было куплено, как вы говорите, и у Давыдова. Однако о его деятельности вы неоднократно сообщали именно харьковской службе БХСС.

— «Все» — это я сказал обобщенно. Куплены были некоторые работники. Но если бы я пошел в милицию открыто, скорее всего, попал бы именно к ним.

— Ваша информация приносила пользу?

— А как вы думаете? Если бы не я, Давыдов с Шабельником и сейчас процветали бы. И Ашот Самурджян, и многие другие. Кроме них, вы же знаете, арестовали все руководство управления бытового обслуживания, с десятков работников милиции.

Он явно перебирал. Информация о преступлениях в службе быта для харьковской милиции не была новостью. Многие из дельцов открыто вели разгульный образ жизни. Каждую пятницу из Харькова по всем направлениям реализаторы развозили партии изделий с фиктивными наклад-

ными. Во дворе особняка Давыдова ежедневно разгружались и загружались машины с разными номерами. Всего этого милиция не могла не видеть. Однако разоблачены дельцы были только после того, как наблюдать за ними стала прокуратура республики.

— Тогда такой щекотливый вопрос: как вы могли их разоблачать, если сами взяли у них 15 тысяч?

— Все деньги с меня взыскали.

— Я знаю. И все-таки?

— Тут, как говорится, лихой попутал. Мне в тот момент нужны были деньги. Для них 15 тысяч — пустяк. С одной поездки реализатор привозил им 10—20 тысяч. Сколько таких поездок было, сколько реализаторов! Перемножьте все — и убедитесь сами. Посредники, те, кто доставал сырье, еще больше имели.

— В свидетельских показаниях называется такса — десять рублей за килограмм трикотажа сверх его цены. Если, к примеру, посредник доставал наряд на 50 тонн — полмиллиона клал в карман. Представить трудно.

— У каждого свои масштабы. Знаете, что такое трикотаж? На тонне трикотажа абсолютно честно, только за счет норм раскроя и растяжки, можно иметь десять тысяч рублей. Если же шить дорогие изделия, а списывать сырье на дешевые, эта сумма увеличится минимум в пять раз.

— Вы поставляли сведения не только о швейниках?

— Вы же читали в деле.

— Да, о пересортице кур в магазинах, о недовложениях продуктов в мороженое, о неучтенной бижутерии, спекуляции водкой.

— На бижутерии зарабатывают еще больше, чем на швейных изделиях.

И я вспомнил рассказ следователя по особо важным делам Прокуратуры УССР Кузьменко:

— Знаете, почему исчезли из продажи зубные щетки? Потому что они целиком из синтетики. Кооператоры скупают их партиями, переплавляют и делают клипсы. Щетка стоит 30 копеек, а клипсы из нее — 3 рубля. Тысяча процентов прибыли.

Не оборотистостью кооператоров возмущались тогда мы оба, а удивительной неповоротливостью нашей галантерейной (да только ли галантерейной?) промышленности.

— А на курах, — продолжал Травкин, — как выгодно сидеть! Потрошенная курица в зависимости от стандарта стоит или 2 рубля 20 копеек, или 3 рубля 20 копеек. Часто вы, скажите, видите в продаже кур по 2.20? Или мороженое. После известного Указа о борьбе с алкоголизмом многие бармены перестроились. Зачем химичить с запрещенным спиртным, портить себе нервы, если на мороженом за счет недовложения можно иметь в день 500 рублей?

— Торговля спиртным считается все же более прибыльной. Вспомните, как вы были барменом.

— То было другое время. Сейчас алкогольные коктейли в барах запретили. Я, помню, наливал вместо коньяка зубровку, вместо шампанского — сухое вино. Только на этом с коктейля имел рубль. А возьмите ресторанный наценку на спиртное. Ее надо отменить. Как правило, она идет в карман работников ресторанов, продающих спиртные напитки, купленные в магазине за наличные.

— Отменой наценки, возможно, будет стимулировано пьянство?

— Нет. Спиртное у нас и так дорого. Кто хочет напиться, все равно напивается. Но при отсутствии наценки никто не будет приносить спиртное в ресторан. Кроме того, рестораны в первую очередь надо обеспечивать хорошими марочными винами.

— Это и будет подтверждением классности, как и ресторанная кухня.

— Кухня — тоже первостатейная кормушка для работников. Ресторанам разрешено закупать продукты на рынках. Это отражается на калькуляции. Интересно, вы всегда можете отличить, из

какого мяса едите бифштекс — магазинного или рыночного?

— Дома отличаю. Но мы отвлеклись. Скажите, вы не испытывали угрызений совести, сообщая милиции сведения, полученные в доверительной беседе?

— У людей этой категории понятие совести отсутствует. Они просто бахвалились. Болтливость следует наказывать. Кроме того, хотелось настоящего дела. Реализатор — это было так, для денег. А работа на милицию была интересной. Главное — у меня в деловом мире Харькова много знакомых. Мне следовало бы пойти на юридический.

— Когда вы работали реализатором, вам случалось сталкиваться с рэктерами?

— Мне лично — нет. Вся работа реализатора проходит, между прочим, в контакте с милицией. Без нее торговать на рынке безнадежно. Наши реализаторы, которые ездили в Евпаторию, работали и под контролем рэктеров. Работники милиции сами направляли реализаторов на «регистрацию» к ним.

— В показаниях свидетелей неоднократно фигурируют евпаторийские рэктеры, их вожак по кличке Живот.

— Только не евпаторийские, а московские. В Евпатории они просто работали.

— Почему-то ничего, кроме того, что они были, свидетели о них не сообщали.

— Это же солидные люди. Свидетели тоже хотят жить.

— Выходит, речь идет о мафии? Были дельцы, были купленные чиновники и работники милиции, были, наконец, рэктеры...

— Все верно, самая настоящая мафия и есть.

— Незадолго до дела Давыдова в харьковском областном суде слушалось дело другого дельца Эдуарда Хана. Тот, правда, был покрупнее и «работал» разнообразнее. Сейчас возбуждаются новые дела, характер преступлений схожий. Выходит, мафия неистребима.

— Есть способ быстро покончить с ней.

— Какой?! — Признаться, я был ошарашен.

— Надо заменить денежные знаки.

Эта идея — не новая. Слышал ее не раз и от работников ОБХСС, и от ученых-экономистов. Сейчас, в конкретном приложении, она прозвучала неожиданно.

— Деньги — главная сила мафии, — развивал свою мысль мой собеседник. — За деньги она продолжает покупать чиновников, перераспределять товарные фонды.

— Ваши связи с милицией оборвались?

— Так просто они не рвутся, — неопределенно ответил он.

— У вас уже несколько судимостей.

— Копаться в дерьме и не запачкаться?

В логике ему нельзя отказать. Люди с незапятнанной репутацией в осведомители не идут. Но так же верно и то, что доверенные лица с уголовной репутацией чести милиции не прибавляют. Даже если действительно помогают раскрыть преступления.

Благополучным мне представляется положение, когда преступник твердо будет знать, что с работниками милиции он никогда не найдет компромисса, не откупится ни деньгами, ни информацией. Если это положение станет нормой, тогда доверенными лицами милиции станут миллионы честных людей. Сейчас же люди не всегда обращаются к ней за помощью даже тогда, когда лично пострадают от преступников.

Я спросил Травкина, что он думает по этому поводу.

— Утопия, — коротко ответил Леонид.

— Утопия ли?

Несколько месяцев я сидел в одной камере с тремя генералами. Один из них воевал еще в гражданскую, вступив в ряды Красной Армии совсем в юном возрасте; с начала второй мировой войны он командовал казачьей дивизией, которая была отрезана и попала в окружение. Несмотря на тяжелое ранение, он все же сумел избежать плена; его спрятали крестьяне и в течение нескольких месяцев тайком выхаживали. Поправившись, он длинным и опасным путем добрался до своих. Его немедленно стали допрашивать: «Зачем вы возвратились? Какое задание вы получили от немецкой разведки?» Офицер ошарашен, но возможности ответить на вопросы ему не предоставляют. Он арестован, отправлен на Лубянку...

Вторым моим соседом по камере был дивизионный генерал, коммунист со времен гражданской войны. Его подразделение стойко противостоят натиску немцев, храбро сражаются, но несут значительные потери. В скором времени дивизия почти уничтожена. Генерал с небольшой группой солдат прорывается в лес и здесь создает партизанский отряд, который в течение нескольких месяцев воюет с немцами. Отряд обнаружен и атакован. Генерал с двумя товарищами в последний момент успевают уйти, партизаны прикрывают отступление группы, и ей удается присоединиться к Красной Армии. Генерал заподозрен в шпионаже и арестован. Вина его огромна — он выжил... Отправлен на Лубянку...

Последний генерал из этой тройки брошен за решетку без всяких оснований. Его преступление в том, что он работал в штабе Жукова во время войны... Отправлен на Лубянку...

Эти три генерала не поддавались унынию. Они всегда держались как настоящие коммунисты и не придавали значения придиркам наших черберов. Все трое сохранили меховые генеральские шапки с красной звездой. Помню, как они, изготовив из хлебного мякиша фишки домино, убивали время, разыгрывая бесконечные партии.

Однажды новый охранник — самое большее старшина — входит в камеру и требует, чтобы заключенные встали и поздоровались с ним. Генералы невозмутимо продолжают играть. Один из них, даже не удосужившись повернуться, произносит: «С каких это пор генералу Красной Армии положено вставать при появлении старшины?»

Охранник не настаивает. Впоследствии он уже не позволял себе ничего подобного...

Между партией и домино мы подолгу обсуждали разные проблемы. Один из троих моих товарищей по камере, наиболее искушенный в политике, прекрасно понимал, что его история — это вовсе не случайная ошибка, объясняющаяся чрезмерным усердием отдельных агентов ГПУ; он говорил мне с большой убежденностью: «Все, что делают лакачи из органов безопасности, одобряет, желает, поощряет и направляет сам Сталин...»

Узнали мы и об удивительном приеме в Кремле, о котором рассказал один румынский коммунист. Незадолго до ареста ему довелось работать переводчиком (он прекрасно говорил по-русски) с румынской делегацией во главе с Георгиу-Дежем, приехавшим в Москву.

По завершении переговоров Сталин пригласил румынскую делегацию на неофициальный ужин. К концу трапезы воцарилась веселая, непринужденная атмосфера; Сталин, улыбаясь, подошел к Георгиу-Дежу и сердечно обнял его за плечи. «Послушай, Георгиу, — сказал он, — ты прекрасный человек, но совсем необразованный. Так мало знаешь, а управляешь страной; ты похож на младшего лейтенанта, командующего армией; в общем, тебе еще многому надо поучиться, чтобы быть на высоте!»

Гости, сразу отрезвевшие от этой выходки, уже не осмеливались и рта раскрыть. Они приписали слова Сталина особому характеру юмора этого «насмешника», пользовавшегося шуткой так же умело, как теорией марксизма-ленинизма.

Другой сосед по камере, старый польский коммунист, чудом уцелевший во время чисток 1938 года, рассказал мне еще об одном приеме у Сталина. Лидер международного коммунистического движения в 1945 году принимал в Кремле делегацию польских коммунистов, которая должна была обсудить состав нового руководства партии. Сталин пожимает им руки, говорит о том, о сем и вдруг спрашивает: «До войны среди руководителей польской партии была женщина, Костшева, очень преданная и очень умная. Что с ней произошло?»

Присутствующие польские коммунисты озадачены, переглянувшись, они опускают глаза: товарищ Костшева, как и все польское руководство, была арестована в 1938 году по приказу Сталина и погибла. «Великий ликвидатор коммунистов» часто притворялся неосведомленным, чтобы лучше замаскировать свою причастность к тяжким преступлениям во время чисток.

Свою историю рассказал нам и психиатр, лечивший сына Сталина...

В 1949 году в нашу камеру посадили одного из крупнейших психиатров Советского Союза. Это был еврей, родом из Вильно, воспитывавшийся в очень религиозной семье; его отец был помощником раввина в синагоге. Совсем юным будущий психиатр пор-

В ОДНОЙ КАМЕРЕ ...

БОЛЬШАЯ ИГРА

Удивительные встречи

в сталинских тюрьмах

Леопольд ТРЕППЕР

Это была поистине «большая игра». Подпольная группа, известная под названием «Красная капелла», существовавшая на территории фашистской Германии и некоторых оккупированных ею стран, по размаху своей деятельности, наверное, не знает равных. Организованная по заданию московского Центра, она была частично раскрыта гитлеровцами в конце 1941 года. Фашистская разведка пыталась использовать ее в целях дезинформации противника. Но «Красная капелла» перехитрила фашистскую разведку и продолжала передавать в Москву важнейшие сведения военного характера.

О «Красной капелле» до сих пор у нас известно немного. И практически ничего не было известно о ее руководителе — польском коммунисте Леопольде Треппере. На Лубянке менее всего руководствовались чувством признательности. Треппера после его возвращения в СССР бросили в тюрьму, откуда он вышел только после смерти Сталина. Но и сегодня еще справедливость не восстановлена до конца (читайте в № 1 «Совершенно секретно» «Открытое письмо в Верховный Совет СССР»).

Воспоминания Л. Треппера давно уже пользуются успехом на Западе, где «Большая игра» переведена на добрую дюжину языков. В настоящее время в Политиздате готовится к печати русское издание книги.

вал со своей средой и с годами полностью ассимилировался; по языку, обычаям, культуре он ощущал себя русским. Мобилизованный во время войны, он возглавлял медицинскую службу армии, освобождавшей Прибалтику. После войны он становится личным врачом сына Сталина. Василий, младший сын генералиссимуса, получивший чин генерала в двадцать три года, — посредственный летчик, хронический алкоголизм которого стал притчей во языцех. Психиатру поручена почетная задача вылечить его; по завершении курса молодчики НКВД, полагая, что врач слишком много знает, решают арестовать его. Ни на одном из допросов о сыне Сталина даже не упоминается; напротив, врача обвиняют в «еврейском шовинизме». Доказательства? Когда Красная Армия вошла в разрушенную Ригу, сотни голодных, все потерявших сирот слонялись по городу; появились шайки юных преступников. Генерал, отвечавший за этот регион, предложил психиатру создать приют для обездоленных детей. Врач действительно стал этим заниматься и принял много детей, большей частью евреев. Сотрудники НКВД уцепились за это и обвинили его в том, что он действовал как еврейский шовинист.

— Совершенно очевидно, — говорили они ему, — что вы отдавали предпочтение этим детям в ущерб другим...

— Вовсе нет... Еврейских детей было больше только потому, что их семьи сильнее пострадали!

В 1948 году мне повезло — в мою камеру посадили бывшего военно-морского врача, необыкновенного весельчака лет пятидесяти, который буквально излучал здоровье и оптимизм, блистал остроумием, сыпал шутками. Излюбленным предметом насмешек была его собственная история.

Во время войны благодаря знанию английского языка он попал в Министерство военно-морского флота в Москве и отвечал за контакты с группой американских врачей. После победы его арестовали. Причина? Разумеется, американский шпион. Доказательства? Следователь представил его во время первого допроса, размахивая письмом, которое прислал ему один из его американских коллег. Письмо начиналось словами «Дорогой друг».

«Дорогой друг, — злорадно восклицал следователь, уверенный в своей правоте, — что это значит?.. «Дорогой друг». Разве это не доказывает, что ты шпион? Мне-то ведь не напишут «дорогой друг» из Соединенных Штатов? Нет? Значит...»

Когда абсурд достигает размеров горы, только юмор может сдвинуть ее. И мой друг упорно старался сделать это, не надеясь, правда, что это ему удастся, но, во всяком случае, получая удовольствие. От вновь прибывших заключенных мы узнали, что Советский Союз признал государство Израиль и туда должны были послать офицеров, с тем чтобы они взяли на себя командование армией. Наш врач не мог упустить такую возможность позлить следователя.

— Вместо того чтобы держать меня здесь, пошлите меня в Палестину, — попросил он во время допроса. — Я мог бы оказать услугу стране...

— Послать мерзавца-контрреволюционера в Палестину? Туда мы посылаем только лучших офицеров, которые доказали...

Эти маленькие истории в нашем тюремном мире были единственным развлечением. Они помогали нам выстоять, продержаться, и потому мы очень ценили таких товарищей, как наш доктор. В серости бесконечных дней его улыбка означала жизнь.

Я уже говорил, что наряду с массой невинных в сети НКВД попадали и негодяи. По воле счастливого случая и среди бывших врагов мне удалось встретить несколько интересных людей, которые испытали невзгоды, подобные моим...

Утро, примерно пять часов... Дверь открывается, и охранники вводят хорошо одетого военного; в полумраке трудно понять, кто это — китаец или японец. Он представляется: «Генерал Томинага». Начальник штаба японской армии в Маньчжурии, попавший в плен в конце войны. Его привезли из лагеря, чтобы он мог выступить в качестве свидетеля на суде по делу японских военных преступников, который должен был состояться в Токио. В первый же день, посмотрев на еду, которую нам приносили, он потребовал встречи с директором тюрьмы...

— У меня очень больной желудок, — объяснил он, — я не могу есть такую пищу.

Я же никогда ничего лучшего в тюрьме не ел, ведь офицеры, сидевшие в камере вместе со мной, имели право получать пищу из офицерской столовой.

Но Томинага жаловался:

— Мне всего этого не нужно, и вообще я много не ем: несколько бананов в день — этого достаточно!

Он не понял, почему мы расхохотались: бананы в Москве, в послевоенное время, да еще в тюрьме! С таким же успехом можно было искать апельсины на Северном полюсе...

Томинаге пришлось отказаться от банановой диеты, но ему стали готовить отдельно. Мы, конечно, не знали японского. Тюремное начальство думало, что мы не знаем и английского, и, поскольку оно опасалось, как бы Томинага не рассказал, о чем с ним говорили на допросах, его посадили в нашу камеру. Расчет тюремщиков не оправдался: офицер, сидевший в то время в моей камере, и я сам понимали язык

Шекспира. Через несколько дней я с удовольствием услышал, как Томинага говорит по-французски, и узнал, что он был военным атташе в Париже. С этих пор у нас уже не возникало трудностей в общении...

— Известно ли вам что-нибудь о Рихарде Зорге? — спросил я его.

— Разумеется, ведь в тот момент, когда разразился скандал, связанный с делом Зорге, я был заместителем министра обороны.

— Скажите, почему Зорге был приговорен к смерти в конце 1941-го, а казнен только 7 ноября 1944 года? Почему вы не предложили обменять его?

Тут он резко прервал меня:

— Это абсолютная ложь. Мы трижды предлагали советскому посольству в Токио обменять Зорге на японского заключенного. И трижды наткнулись на один и тот же ответ: «Упомянутый Рихард Зорге нам неизвестен».

Рихард Зорге — неизвестен, тогда как японские газеты подробно описывали его встречи с советским военным атташе. Неизвестен человек, который предупредил СССР об агрессии немцев, человек, в разгар битвы под Москвой сообщивший, что Япония не нападет на Советский Союз, благодаря чему советское командование смогло перебросить свежие дивизии из Сибири?

Предпочли, чтобы Рихарда Зорге расстреляли, лишь бы после войны не оказалось еще одного свидетеля обвинения против них. Решение было принято не советским посольством в Токио, а пришло прямо из Москвы. Рихард Зорге заплатил за свои дружеские отношения с генералом Берзиным. Попад под подозрение с момента устранения последнего, для Москвы он оставался лишь двойным агентом, и в завершение всего — троцкистом! Его телеграммы не расшифровывались месяцами, пока Центр (наконец) не уразумел неопределенного военного значения переданных им сведений. После ареста Зорге в Японии руководство разведки бросило его, как громоздкий мешок: такова была политика нового руководства.

Москва позволила расстрелять «неизвестного» Рихарда Зорге 7 ноября 1944 года. И я чрезвычайно рад, что могу разоблачить ложь и выступить с обвинением перед лицом всего мира. Рихард был одним из нас. Те, кто допустил его казнь, не имеют права теперь присваивать его себе.

Новое историческое свидетельство... Человек, попавший в нашу камеру, был невысок, худоба лица

подчеркивала энергичность черт. Он назвал себя, но его фамилию я не помню. Сначала этот человек не произвел на меня никакого впечатления. Затем, когда он стал рассказывать о своей жизни, я вдруг понял и подскочил: это был заместитель Власова! Удивительная судьба этого человека...

Когда произошла Октябрьская революция, он был молодым офицером царской армии. Фанатичный противник большевизма, он, затаив ненависть к торжествующей революции, вступает в ряды Красной Армии. С годами его озлобление против нового режима не утихает; он терпеливо ждет своего часа. Немецкое нападение переполняет его радостью. С самого начала войны он ищет возможность перейти на другую сторону; одним из первых присоединяется к Власову, когда тот создает известную РОА.

Но его ждет разочарование! Поклонник прежнего царского режима, перешедший на сторону немцев вследствие своих идеологических симпатий, он обнаруживает, что армия Власова — это блеф, ее используют в основном для немецкой пропаганды. Став политическим комиссаром частей Власова, наш герой безуспешно пытается хоть немного приобщить к национал-социалистской идеологии людей, которых встать под вражеские знамена заставил голод. Умереть от истощения в лагере или надеть мундир РОА — выбирая из двух одно, многие солдаты предпочли выжить.

Заместитель Власова рассказывал нам, как во время первого же серьезного боя солдаты массами дезертировали, чтобы присоединиться к русским частям. С трудом созданная эскадрилья поднялась в воздух и улетела... на советские аэродромы.

Даже в штабе Власова офицеры — это скорее его союзники, нежели сторонники по убеждению; здесь больше чествуют бутылку, нежели «Майн кампф». За несколько месяцев командование РОА превращается в банду солдафонов, которые мало озабочены освобождением территории. В военном отношении армия Власова никакой роли не играла, и немецкое командование использовало ее для карательных операций в оккупированных странах.

Заместитель Власова находился в нашей камере все то время, пока шел суд над его командиром и штабом РОА. Каждый вечер наш сосед, цинизм которого не уступал его фанатизму, пересказывал нам все, что произошло за день на суде; он описывал заседания с веселым безразличием, словно присутствовал

на них в качестве зрителя, а не обвиняемого.

В первый же день, как только началось судебное заседание, Власов пожелал выступить с торжественным заявлением. С видом героя, громким голосом, он бросил в сторону судей: «Каков бы ни был ваш приговор, я войду в историю!» И в тишине, воцарившейся после этой заключительной тирады, трибунал услышал тонкий голос со скамьи подсудимых: «Ну, конечно, ты войдешь в историю через дырку в ж...»

Это сказал наш сосед, бывший заместитель Власова, решивший ёрничать до конца...

После вынесения приговора, по которому их должны были повесить, председатель суда спросил обвиняемых, не хотят ли они что-нибудь сказать. Заместитель Власова поднимается и с серьезнейшим видом обращается к судьям: «У меня есть одна просьба к суду: я настаиваю, чтобы меня не вешали рядом с Власовым!»

— Почему? — спрашивает председатель.

— Это будет комичное зрелище. Власов очень высокий, а я очень маленький. Вся церемония будет выглядеть несерьезно.

Когда пришли за ним, чтобы отвести в камеру смертников, он попрощался со всеми за руку и произнес: «Я был и остаюсь непримиримым врагом советского режима, жалею только об одном: что связался с этой дерьмовой армией Власова...»

Он говорил со знанием дела.

Эти встречи во время долгого путешествия во тьме — не более чем остановки, дарованные судьбой, мгновения передышки в монотонном течении дней. Годы жизни, утраченные безвозвратно, я встроил в несколько страниц... Время, проведенное в застенках, оживает лишь при воспоминании о каком-то необычном событии. Остальное — тысячи одинаковых дней — растворилось в памяти; часы, когда ускользает надежда, сотни раз повторяющиеся ежедневные жесты, тоска по навсегда ушедшему времени, привычка к тюремному распорядку — такова неизменная хроника жизни заключенного. Что о ней расскажешь? Пребывание за решеткой навсегда оставило в нас отпечаток, но все это время мы не жили. Мы выживали — и это все, что нам было дано.

Перевела с французского
Валентина ЖУКОВА

ИНФОРМАЦИЯ

ФОРУМ В ЯЛТЕ

Три последних дня месяца мая на берегу Черного моря, в Ялте, проходила международная конференция писателей и ученых, посвященная созданию Европейской академии наук «Детектив и политика».

На ялтинскую встречу приехали известные зарубежные писатели, активно работающие в жанре детективного и политического романа: Майкл Андерле (Австрия), Иржи Прохазка (Чехословакия), Карл Арне Блом (Швеция), Атанас Мангуджиев (Болгария), Милан Чолин (Югославия), Рафаэль Рамирес Эрредия (Мексика), Шитан Немета и Виктор Банлаки (Венгрия), Павел Минаржик (Чехословакия). Советский Союз на конференции представляли президент МАДПР, шеф-директор Московской штаб-квартиры МАДПР Юлиан Семенов и заместитель председателя Советского комитета «Педагоги за мир» Михаил Кабатченко.

Главной задачей Европейской академии наук «Детектив и политика», говорили участники встречи, должны стать исследование феномена популярности детективных и политических романов и фильмов в XX веке, привлечение ученых и публицистов к серьезным литературно-критическим исследованиям о жанре, создание библиотеки и видеотеки ЕАН «ДиП».

Этим целям служит и принятая структура Академии. Единогласно ее почетным президентом был избран замечательный английский писатель Грэм Грин. Девять человек вошли в состав президиума Академии. Европейская академия состоит из отделений политического, детективного, исторического романов, детского детектива, политической и детективной драма-

тургии, литературной критики и художественного перевода. Есть также отделения журнальной публицистики и социологических исследований. Каждое из этих отделений, в состав которого может войти до семи действительных членов и девяти членов-корреспондентов, возглавляет академик-секретарь.

На первом учредительном заседании был принят основной документ конференции — Устав Европейской академии наук «Детектив и политика». В нем, в частности, говорится:

«Мы, основатели Европейской академии наук «Детектив и политика» во главе с почетным президен-

том Грэмом Грином, движимые идеями создания «общего европейского дома», наблюдая феномен массового интереса к детективу и политическому роману, особенно среди молодежи, отмечаем, что социология и литературная критика игнорируют этот феномен. Издательства и кинематограф используют его сплошь и рядом в корыстных целях, обращая внимание прежде всего на тему, но отнюдь не на литературное качество. Будучи уверенными в том, что серьезная политическая и детективная литература является мощным инструментом в борьбе с коррупцией, преступностью, наркоманией и терроризмом, мы... учредили Ев-

ропейскую академию наук «Детектив и политика», состоящую из 117 действительных членов АН и членов-корреспондентов, президентов, президиума. Академия начинает свою работу немедленно, готовит том ежегодных записей ЕАН, привлекая ведущих социологов, историков, публицистов и литературных критиков. ЕАН «ДиП» имеет своими центрами Копенгаген, Прагу и Ялту».

На этом же заседании было намечено 20 тем для академических исследований. Вот названия некоторых из них: «История жанра в эпоху нацизма в Германии и фашизма в Италии», «Ж. Сименон, Г. Грин, С. Мозм — имеют ли они право стоять в одном ряду с Франсом, Лу Синем, Лесковым, Кобо Абэ?», «Каковы социальные, национальные, исторические причины «детективного бума»?», «Роль детектива в борьбе против нацизма». Принято решение, что за наиболее интересные исследования ЕАН вправе ежегодно присуждать премии от 1000 до 5000 рублей с вручением медали и диплома.

И еще об одном документе, принятом единогласно участниками конференции, стоит сказать. Писатели поддержали требование жителей Крыма прекратить строительство атомной станции на полуострове.

С членами вновь созданной Академии наук «ДиП» встретились первый секретарь Ялтинского горкома КП Украины Н. М. Спир и заместитель председателя горсовета Ялты В. А. Попелянский, которые пожелали писателям творческих успехов и выразили надежду на дальнейшие встречи, способствующие взаимопониманию между людьми разных стран.

La Résidence des Fleurs.

Avenue Pasteur.

06600 Antibes

To John

I accept my election as honorary
president of the International Academy
of Political & Detective Literature.

Grham Green

Рок-звезды мира в Лужниках

12 августа на Большой спортивной арене Лужников состоится Московский международный музыкальный фестиваль мира «Мое поколение». Лозунги этого праздника — социальная ответственность перед собой, перед каждым человеком, трезвый образ жизни, создание здоровой семьи.

Решение провести этот крупнейший музыкальный форум именно в Москве обусловлено происходящими в нашей стране переменами, которые привлекают внимание всего человечества. И именно поэтому этот грандиозный фестиваль будет транслироваться крупнейшими телекомпаниями мира.

Организаторы фестиваля — Советский комитет защиты мира и Московский музыкальный Центр Стаса Намина при Фонде социальных изобретений СССР, с американской стороны — «Мэйк а дифференс фаундейшен» (фонд «Изменить мир к лучшему») и знаменитая международная фирма «Крамер мьюзик».

В гала-концерте выступят супергруппы мировой поп-музыки: «Бон Жови», «Скор-

ЭТИ ВЕЛИКИЕ РОК-МУЗЫКАНТЫ СТАЛИ ЖЕРТВОЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

пионз», «Ози Осборн», «Мотли кру», «Синдерелла», «Аэро-смит» и другие.

В финале в исполнении всех участников прозвучит песня «Мир в наше время», которая специально написана для этого фестиваля американской группой «Бон Жови» и советской группой «Парк Горького».

Накануне фестиваля во всех странах мира будет выпущена пластинка сегодняшних суперзвезд, которые исполняют песни погибших от наркотиков и алкоголя музыкантов групп «Роллинг стоунз», «Ху», «Лед зеппелинг», Элвиса Пресли, Джимми Хендрикса, Дженниса Джоплина и других.

Весь доход от фестиваля будет перечислен на нужды борьбы с алкоголизмом и наркоманией.

Главный редактор
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
Первый заместитель главного редактора
АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ
Редакционный совет:
МАЙК АНДЕРЛЕ,
писатель (Австрия)
АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ,
писатель (Москва, СССР)
КАРЛ АРНЕ БЛОМ,
писатель (Швеция)
АЛОИЗ БРЕНЧ,
режиссер (Рига, СССР)
АРКАДИЙ ВАЙНЕР,
писатель (Москва, СССР)
НИКОЛАЙ ВИНГРАНОВСКИЙ,
кинорежиссер (Киев, СССР)
ГЕОРГИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
адвокат (Москва, СССР)
ДАНА ГЕНРИ,
судья Верховного суда (США)
ТАТЬЯНА КОРЯГИНА,
доктор экономических наук (Москва, СССР)
АТАНАС МАНТАДЖИЕВ,
писатель (Болгария)
АЛЕКСАНДР МЕНЬ,
протоиерей (Загорск, СССР)
ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН,
начальник Уголовного розыска (Москва, СССР)
ВАЛЕРИЙ САВИЦКИЙ,
доктор юридических наук (Москва, СССР)
ЕВГЕНИЯ СТОЯНОВСКАЯ,
публицист (Москва, СССР)
ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ,
писатель, народный депутат СССР (Алма-Ата, СССР)
РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА,
писатель (Мексика)

Коллегия:
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
заместитель главного редактора
ТРИСТАН ДЕЛ,
собственный корреспондент (США)
ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ,
обозреватель
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ,
обозреватель
ИШТВАН НЕМЕТ,
собственный корреспондент (Венгрия)
ВАЛЕРИЙ ТУРСУНОВ,
собственный корреспондент (Москва, СССР)
МИЛАН ЧОЛИЧ,
собственный корреспондент (Югославия)
МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Оформление номера
ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА
и **МИХАИЛА ШЕСТОПАЛА**
Технический редактор
ТАТЬЯНА КОЙРАНСКАЯ
Корректор
ТАТЬЯНА БУЧА

В очередных номерах «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА»
и «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Новый роман Ле Карре «РУССКИЙ ДОМ»

«НОЧЬ В КРЕМЛЕ» (декабрь 1941 года) — очерк Ксаверия Прушинского

Евгений Замятин — из записных книжек 1914—1928 годов

«ЖИЗНЬ БЕЗ СНА» — неопубликованная проза Владимира Высоцкого

Гарри Каспаров — отрывки из новой книги «БЕЗЛИМИТНЫЙ ПОЕДИНОК»

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский
бульвар, 4, АПН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Бюллетень «Совершенно
секретно»
тел. 291-98-62; 201-44-16
Телекс 411323 Факс: 2302170

Подписано к печати 20.07.89 г.
А11016

Отпечатан типографией
«Восточно-Сибирская правда».
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10